

ДМИТРИЙ ЗАХАРОВ

СРЕДНЯЯ ЭДДА

АКТУАЛЬНЫЙ
РОМАН

18+

Актуальный роман

Дмитрий Захаров

Средняя Эдда

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Захаров Д. С.

Средняя Эдда / Д. С. Захаров — «Издательство АСТ»,
2019 — (Актуальный роман)

ISBN 978-5-17-118456-8

Дмитрий Захаров родился в 1979 году в «закрытом» городе неподалеку от Красноярска. По образованию – журналист. Работал корреспондентом и редактором ИД «Коммерсантъ», руководил PR-подразделениями государственных и бизнес-структур. В 2015 году опубликовал первый роман-антиутопию – «Репродуктор». В центре событий его нового романа «Средняя Эдда» – история появления «русского Бэнкси», уличного художника Хиропрактика (hp), рисующего цикл из 12 картин на стенах домов. У граффити всегда политический подтекст, их герои – видные государственные начальники, и после появления новой работы кто-то из ее персонажей непременно погибает... Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118456-8

© Захаров Д. С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1	6
2	17
3	29
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Захаров

Средняя Эдда

© Захаров Д.С

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Лене Макеевко

*За мной еще трое,
Страшней меня вдвое.
Валерий Петров*

1

живая

Радуйся! – поет в трубке Слава. – Три на пять метров. Красотища!

– Где нашли? – говорю.

– На Парке Культуры, справа, если с кольца.

Думаю: ну понятно, цензоры. А он:

– Не, местные стуканули. Овечкин скачет уже, давай и ты на полусогнутых. Оп-оп-оп!

Снимаю с плеча рюкзак и безо всякого смысла его встряхиваю. Придется прямо с плавками и шапочкой – держать-то долго не будут. В прошлый раз чуть замешкался – и всё, амба. Два дня потом стену отскребали, но куда там – цензоры заблевали картину напрочь. Состав у них едкий, жирный, а вониючий – как мать дерьма: будто сдох кто или лаз в канализацию прорубили.

Рванул в сторону метро, попутно набирая командора наших боевиков. Говорю: надо всех оттереть, и чтобы твои успели раньше цензорской гопоты. Чтобы не как обычно! Но всё без толку – конторские орки опять не добегут, стену замалуют, и останется только гадать, что на ней было. Наши опера умеют только вату катать со своими мутными гаишниками.

От метро – в четыре ноги. Через переход, в котором гнездо хищных бабок с ягодными корзинками, мимо воющей под магнитофон усатой ведьмы: «...в глаза мои суро-о-овые...», – мимо стеклянных музейных дверей – к простыне милицейской ширмы. Или выгородки. Или черт ее знает. У них есть название для этой раздвижной, срисованной из медицинских хорроров штуки, но я его так и не смог запомнить.

Ментовский лейтенант выдвинулся навстречу, набычивая физиономию. Обрюзгший, с болезненно румяными щечками. Наткнулся взглядом на протянутое удостоверение, но даже не сдал назад. Птеродактиль.

– Подожди-ка... – начал он, но я уже отодвинул стенку ширмы.

Не три на пять, конечно, но и черт с ними. Живая! Живая работа Хиропрактика!

Здесь остановимся. Теперь ведь нельзя впопыхах, правда же, Настя? Нельзя. Так что внимательно.

Основа граффити – синий составной трафарет. Многофигурный с мелкой детализацией. Сюжет – заседание суда. Перед присяжными три телеэкрана. На первом – мультяшный лось, на втором – тигр, на третьем – маленький мальчик. Показывают животы-улики с одинаковым отпечатком губ. Судья с собачьей башкой. Трое обвиняемых – на электрических стульях. «Часы судного дня» – обязательный для всего цикла атрибут в левом нижнем – стрелка уже на шести. Внизу же – фирменный знак Хиропрактика – хьюлетт-паккардовское «hp».

Срок – ну, может, несколько часов, краска еще кое-где влажная. Состояние... идеальное. Да-а-а... никогда еще в идеальном состоянии. Вообще никогда ни в каком состоянии, только на картинках.

Первое граффити – «Каток» – которое появилось на Котельнической, успели отснять с разных ракурсов. Видео долго висело на youtube – все, кому надо, нарезали.

А вот «Елку» – уже начали прятать. Роскомнадзор схлопывал публиковавшие картинку сайты, пошли массовые блокировки, случилась даже пара уголовных дел. Сейчас ее изучают по канадским серверам. Там вроде как зэки обустраивают для политбюро камеру к Новому году: ставят елку с курантами, рисуют на стене подводную лодку, вешают себе срамные бороды...

Ширма захрустела, и внутрь периметра протиснулся Сашка Овечкин. Цветастая шляпа, синие очки и переносной ЗРК фотоаппарата. Даже не сказал ничего, тут же принялся щелкать. Оно и правильно.

Заглянули два мента – молодые совсем, интересно им.

Спросил Сашку:

– Ты на видео панораму возьмешь?

– Ага, поучи-поучи, – огрызнулся тот, продолжая делать снимки.

Вышел за ненадобностью наружу. Никаких наших боевиков, конечно, нет. Но и цензоров тоже. Менты слушают рацию и тихо переговариваются.

– Во сколько вас вызвали? – интересуюсь у ближайшего.

– Во сколько надо! – тут же подлетает и чуть не клюет меня лейтенант. – Что надо потом на сайте повесят!

Ну конечно, ага.

– Спасибо, – говорю, – а в чем тут военная тайна?

Лейтенант – будто от вражеского дота – заслоняет собой молодняк.

– Хуйней занимаетесь, – поясняет он и с ненавистью смотрит в сторону остановившихся неподалеку прохожих.

Тут не поспоришь.

Выпил в ближайшей забегаловке стакан чая. Я обычно беру без добавок, но у них только с бергамотом. И маленькое дырявое весло вместо ложечки – никогда не мог понять, что это за выдумка. У нее должно быть второе и главное назначение. Чтобы, когда завоет сирена гражданской обороны, можно было схватить горсть этих вёсел и собрать щит и меч, пулеметную ленту, антенну для приема сообщений командования. Ты вот не думала, Настя?

– Может, хотите что-нибудь к чаю? – видимо, от скуки подала голос продавщица в грязном фартуке.

– Хочу, – зачем-то ответил я. – Сирена у вас есть? Такая знаете, гадкая, уи-уи-уи?!

Продавщица не удивилась. Просто вычеркнула меня из списка живых и уставилась в маленький телевизор, воткнутый под самым потолком. Почему он без звука только?

Сашка – похожий на маленького злого эльфа – появился минут через пять, удивлялся, что никто не схватил его за руку.

– Что-то они сегодня долго, – довольно объявил он, закуривая около входа в забегаловку.

– На совещании у наших шефов задержались, – предположил я.

– Не смешно, – скривился, как от кислоты, Сашка.

– Не смешно, – согласился я. – Но так ведь и не должно, дружище.

Слава стал у меня допытываться, на что похоже новое граффити. На тебя, говорю, похоже, такое же недоделанное. С ним про contemporary art всерьез нельзя – он на стене репродукцию Шилова держит.

Состроил рожу и показал мне «фак». Думает, это смешно. Думает – уел.

– Пока-пока, – говорю, – я в приемную к Асу.

Слава, конечно, балда-балдой, хоть и начальник информационного центра. Последний настоящий москвич, мажор, папа – бывший посольский. Нигде по-настоящему не работал – его Ас сразу из институтского инкубатора к себе пересадил. Наши понаехавшие – то есть, в общем, остальная Конюшня – Славу аккуратно по всем этим пунктам прокатывают. И он в каждый очередной бросается доказывать, что не верблюд. Ну, и в общем, не верблюд, да. Просто балда. Правда ведь, Слава? Правда. Ты уже и обижаться на меня перестал.

Я вот, скажем, сектант «культсопра». Тут многие так думают, и сам Ас посмеивается. А это в наших делах – серьезно. Серьезнее чем. Почти заявка на списание. Можно быть голу-

бым, педофилом или нюхать кокс, можно подмахивать великим вождям и по субботам ходить на физкультурные парады, но любить ту срань, которую препарируешь... Хотя нет, это я через край, за парады Ас бы, наверное, выгнал, он опасается фанатиков. Всё равно. Если меня еще и не сдали чекистам, то это из-за того, что педофилы Асу пока без надобности, а перверты вроде меня могут и пригодиться.

Так что не переживай, Слава. Не переживай, старина, что мы бестактные свиньи, не знающие субординации. Это всё от тоски по признанию. От зависти, одним словом. Друг Овечкин мне так и говорит. Так что ты мне «фак», а я тебе – два, ты мне по морде, а я тебе – с колена. Ты мне объективку в мэрию, а я тебе – донос в следком. Думаешь, не сделаю? Не знаю. Наверное.

Стоило зайти на кухню – хлебнуть на бегу чаю, как Слава тут же меня и обскакал – первым пролез на прием к шефу. После аудиенции вывалился довольный, посмотрел на свои «умные» часы (Слава, зачем тебе часы, которые умнее тебя?), подмигнул и заявил, что будет звонить в редакции – резервировать место под статьи. И то верно, Хиропрактик сам себя не заклеит.

Следом у Аса надолго засели интернетчики – похожие друг на друга, длинные, суетливые, в мятых пиджаках поверх ярких футболок. Я успел разбавить первый чай еще двумя чашками и утащить из конфетницы все вафли. Только после этого секретарша – сегодня та, что не выговаривает «р», – махнула рукой.

Ас сидел за столом, одновременно писал в почту, что-то смотрел на айпаде и слушал доклад оперов по громкой связи.

– Пошли их куда подальше, – говорил он радостно, – пока не отработают все темы, пусть даже не заикаются. Какой еще суд?!

Сегодня он лучезарный: уголок рта вверх, в глазах глубокая нежная издевка, в манжетах шитой белоснежной рубашки – гербовые запонки «Кингс Колледж». Либерал и просветитель.

– Ну и что? – спросил он, отрываясь от всех своих экранов и протягивая руку.

– Здравствуйте, Александр Сергеевич. На сей раз отлично.

Я стал подробно рассказывать ему о картине. Он, конечно, уже знал всё в деталях, но позволял повторить еще раз – как если бы сверял с ответами в учебнике. Фирменный прием: не только в перекрестном опросе, вообще. Думаю, наша Конюшня – сама по себе побочный продукт его желания сличать показания, заслушивать в параллели, иметь двадцать четыре варианта новогоднего поздравления. Не удивлюсь, если в двух кварталах есть еще одна такая же контора. Или две. И в них тоже сидит аккуратный, предупредительный, опасно обаятельный Ас.

– ...мишень – трое на электростульях. Посередине – босс второй телевизионной кнопки, рядом – с длинными волосами – первой. Третьего не знаю, но не трудно догадаться. Наш клиент в правой части – вот видите, собачья голова... Текст такой:

*ты выходишь к воротам принять угловой
и вавилон играет в футбол твоей головой*

Ас, наконец, не выдержал.

– Знаешь, Дима, – сказал он, – надо бы разложить это всё в таблицу... Георгий что-то такое уже начинал, спроси у него. Чтобы по персонажам, да? И расписать.

– Для своих или вовне? Комментарии нужны?

– Пиши пока для своих. Потом, может, после вторичной планерки раскидаем по адресам... ладно, ты не тани, – оборвал он сам себя, – что там про голову? Думаешь, публика считает, кто это?

– Сначала, конечно, будут смотреть на телевизионных. Я, кстати, думаю, мишень – средний, пока все ссылки на него. Но голова – слишком очевидный намек. Только-только улеглось, как он в юности щенкам головы резал. Так что ему это уже второй звонок.

Ас заулыбался и уставился в потолок. Он любит так делать, когда считает, что поймал своих высоких друзей за причинные места.

– Точно уверен?

– Уверен, Александр Сергеевич.

Видимо, я сказал это с излишним удовлетворением.

– Надеешься, что вот-вот начнется? – снисходительно поинтересовался он. – Хочешь умереть на баррикадах?

Я пожал плечами. Дайте баррикады, а там посмотрим. Правда, если я отчего-то выжил во время прошлых, это же говорит не в мою пользу, да? Не в мою, и не в нашу. Это говорит в пользу Александра Сергеевича. А ведь его «старшие» тогда уже побежали – самолет стоял под парами. Даже, говорят, дочку мэра перевезти успели. Но потом обошлось. До сих пор не знаю, само или договорились.

– Специально оставили для широкой публики, – сказал я, – а еще, похоже, придержали цензоров...

Ас кивнул. Он глянул на экран смартфона и сбросил звонок. Как это обычно с ним бывает, приняв решение, хозяин Конюшни в секунду меняется: вот уже удалил расслабленность, подобрался, нацепил лицо с кривой полуулыбкой. Вот-вот прыгнет. Он уже сам всё понял, я ему ничего не открываю.

Ас чуть заметно качнул подбородком.

– Твой прогноз, как быстро утечет сюжет?

– Смотря к кому попадут наши записи.

– Ни к кому.

– Тогда, может, дня два.

Он недоверчиво хмыкнул.

– Думаешь, ты один такой герой?

– Хотел бы надеяться.

Я не то что бы кидаю понты. Дело не в том, что я прекрасный аналитик, вовсе даже наоборот. Я хрен знает кто. Но я хрен знает кто с исходниками, и это именно я решаю, что покажут остальным. Значит, наша контора уже сегодня зальет нужную версию в ваши голубые экраны. Сам Хиропрактик едва ли вывалится из... где он там по общим представлениям? Из лизергиновых облаков. Ас продолжит улыбаться мудачью за его, мудачья, деньги. Мы с коллегами будем верстать ориентировки. Три фантика-бантика, три родных братика, три акробатика. Всё как всегда.

– Про фею убивающего домика нет новостей? – спросил я. – Это ведь уже шестая картинка из двенадцати, зима близко.

Даже если Александр Сергеевич что-то узнал, он ничего не скажет, это понятно. Но я его давно знаю: когда Ас приближается к добыче, у него нет-нет, да и сверкнет в глазах такое... абсолютное превосходство. Приквел тотального торжества.

Нет, смотрит ровно.

– Занимаемся, – говорит.

– А если бы нашли?

– Если бы нашли, Дима, – Ас внимательно разглядывает маникюр на указательном, – то есть если бы вычислили нашего рисовальщика, тебе не пришлось бы больше думать про свою ипотеку.

– Стесняюсь предположить, о чем бы не пришлось думать вам.

– Это хорошо, что еще чего-то стесняешься.

Окликнул уже в дверях.

– Никому про псоглавца, договорились? Славе, этому твоему Саше... никому! Считаю, что подписал эндиэй.¹

Видишь, Настя, эндиэй.

ЯНДЕКС-ДЗЕН «РАГНАРЁК 2.0»

Смотрим на фото. Второй слева – Валерка, 4 класс. Троечник, но видите, какие умненькие глазки! Что он делает? Ершиком моет бутылку из-под молока, мамкин помощник!

...

А тут он же с черной собаченькой. Как они друг на друга смотрят, красавцы. Валерка, не будь дурак, разберет ее уже в этом году. Такой сообразительный.

...

А вот он на линейке – пионерский галстук набок, пилотка заломлена.

...

А тут с пацанами. Костерок.

...

Еще пара карточек – теперь девятый. К Валерке уже бегают за ганжем – смотрите, какая у него куртейка чумовая. Наторговал, кормилец.

У нас временно кончились кадрики. Но тут мы можем так, с голоса – ничего особенного. Магазины там, два магазинчика, заправка, 93-й разбавленный. Первая мертвая девчушка. Или не первая? Ну ладно-ладно, это твое личное дело, Валерка. Конечно. Мы о других и не знаем ничего. Нет, и не будем – не будем. Прайвеси. Мы такое уважаем, что ты.

Потом вот эта

...

и вот эта карточка

...

и еще вот фото

...

Что это с ними. Горели, что ли? Самовозгорание ведь? Да мы же не спрашиваем. Давно не спрашиваем, Валерка. Господин начальник.

...

Валерка-то наш – голова! Советник президента по вопросам присоединения. У Валерки полно вопросов, ха-ха. А видели бы вы, как он присоединяет! Ух, ты мой маленький!

Вот фотки с Валеркиных вопросов.

...

Ты же у нас в следующих. Заслужил, чертяка. Не верил еще. Зря. Мы же помним кое-что, Валерий Петрович. А что не помним – сочиняем. Сказочники мы, Валерка. Как и ты.

...

Нет-нет, мы такие, мы помним. Не сомневайся, поставим тебя в лучшем виде – вот здесь.

...

¹ NDA – non-disclosure agreement, соглашение о неразглашении любой конфиденциальной информации: от коммерческой тайны до персональных данных.

Или тебя лучше на ветви?

...

Не хочешь на ветвях? Да ну ладно тебе. Некоторые из ваших повисают гораздо лучше любой гимнастики. Или не любой? Всё забываем о прайвеси. Прости, родненька.

Ты тоже будешь. Обещаем. У тебя для этого все данные, дорогуша.

...

Тебе когда-нибудь говорили, что ты убийственно фотогеничный? Да, конечно, говорили. Тебе, наверное, каждый день это говорят.

подземное политбюро

Вечером воскресенья сидели у Славки на даче. Пиво. Остывшее московское солнце напоследок поглаживает поле для гольфа. Слава у нас знатный гольфист. Когда жил с папой-послом в Голландии, вроде бы даже блистал на юношеских чемпионатах. Он и сейчас любитель пройтись по лункам, временами втягивает в это дело разный статусный народ. Даже мне пару раз предлагал, но я не люблю этот гольф, дружище Слава. И дачу. И даже пиво это – не очень. Вот дочки у тебя хорошие. Это тебе повезло. Тебе вообще повезло... Прав Овечкин: я, наверное, завидую.

Старшей – девятилетней Милке – я из каждой поездки привожу сов: плюшевых, пластиковых, деревянных, – она их собирает. Огромный уже советник – на два стола, застеколье книжных шкафов и коробки, коробки, коробки. Галка ругается, когда я тащу новых подселенцев, а Милка – как в первый раз – смешно тянет к сверткам обе руки, будто гимнастка, которая на вытянутых ловит булавы...

– Славка, ну что ты, параноиков мало видел? – говорю я, зачем-то отковыривая ногтем кунжут с хлебной соломки. – Одно дело – писать новости за «лайф», другое – этот же «лайф» читать ради новостей.

– Старик! – Слава так трясет головой, что мне кажется, его очки и борода вот-вот разлетятся в разные стороны. – Костя подтвердил, что его люди проверяют краски. Они тоже уверены, что тут какая-то слякоть. Я тебе ведь не просто так говорю – не подходи к этим штукам, когда рядом стоишь!

– Ой, ну какие краски! Не в X-files живем. При всем моем сожалении.

– X-files! – кипятится Слава. – Серьезные люди занимаются! Они у тебя тоже, что ли, идиоты? Все у тебя идиоты!

Он с раздражением отодвинулся от столика, вскочил и резво сбежал с веранды в сад. Я только пожал плечами.

Еще один сторонник психохимии, оказывается. Теперь и среди наших, Настя.

Психо считают, что свой цикл граффити Хиропарактик рисует не обычными, а секретными «боевыми» красками. К тому же каждая картина – набор дьявольских деталей, способных взломать твое сознание, как вирус, заглянувший за брандмауэр. Действует это на всех, но особенно опасно для персонажей картин. Хитрым цветом и тайным кодом Хиропарактик им нашептывает, что делать, отдает невидимые приказы. То есть буквально: мой кот приказывает мне, голос из розетки приказывает мне... Приказывает он, кстати, в основном, покончить с собой, и многие уже послушались. Поэтому психо и придумали, что граффити надо стирать и прятать – тогда с верхушкой страны, которую рисует этот анонимный гад, ничего не произойдет. И ни с кем ничего не произойдет. Отсюда – цензоры и кибердружины, а также анонимные магнаты-скупщики чудом сохранившихся фрагментов.

По-моему, первым психохимию придумало РЕН-ТВ. Потом – газеты, депутаты. Сейчас уже вице-премьер говорит: ведется расследование, мол. И даже закадровый смех после этого не включают.

– Мудак ты, старик, – сказал вернувшийся Слава, ставя под стол ведро со льдом, а на стол – извлеченные из него пару бутылочек.

– Что есть – то есть.

Чокнулись бутылочными боками.

– И что ты думаешь, – спросил я, – президентский охранник после «Покемонов» прыгнул с моста, потому что краски нанюхался? Или каббалистические символы прочел? И почему не в тот же день, когда ее срисовали, а через полторы недели?

– Не начинай.

– Я просто спрашиваю.

– Ты не спрашиваешь, а доебываешься.

– Ты так и не ответил, как его прыжок связан с «Покемонами».

– Да что с тобой разговаривать, Митя...

«Митя» – это знак. В Конюшне все в курсе, что этого обращения я не переношу. Славка заканчивает разговор, вроде как меня осаживая. Ему невдомек, что непереносимость «Мити» я выдумал.

– Ладно, – сказал я, – не обижайся. Сволочное настроение просто. Знаешь, на прошлой неделе годовщина была...

– Да, – отозвался Слава, – так и нет ничего от родственников?

– Неа.

– Блин, Дим, сочувствую, ты же понимаешь.

– Понимаю. Спасибо, что вывез из города. Правда. Точно Галя девчонок сегодня не привезет?..

В понедельник вдруг ни с того ни с сего дали премию. Деньги Ас раздает лично. Личное поощрение – личный контакт. Не знаю, может, ему на курсах методологов вбили, что так надо. А может, сам дошел.

– Я доволен тобой, – сообщает, саркастично прищурившись.

– Рад стараться, – говорю и пробую улыбнуться соответственно, – Александр Сергеевич.

– Вот-вот, – поддакивает Ас, – старайся.

«Нестыдное довольствие» называет это Слава. Может, на «Porsche» и не хватит... хотя вот у Аса как раз «Porsche». И еще «BMW»-кабриолет и, говорят, какая-то гоночная, которую я не видел. В общем, даже если на «Porsche» и не достает, на всё остальное – с горкой. Конечно, с условием, что ты не коллега Овечкин. Но обычно никто не Овечкин.

Я так и не могу привыкнуть к этому своему статусу приглашенного на бал, Настя. Всё время кажется, будто это шутка какая-то, разводка. Сейчас в дверь войдут смеющиеся люди и попросят свои банкноты обратно.

Пять лет кряду я выходил на Каширской и считал в уме, могу позволить себе троллейбус – или надо будет шесть остановок пешком. Троллейбус почти всегда проигрывал. Я брел, сворачивая на полпути к ближайшей «Пятерке» – с двумя работающими кассами, с вечной размазанной по полу жвачкой, со встроенным запахом кисло-сладкого разложения, – чтобы купить макароны. В «Пятерке» макароны были на 21 рубль дешевле, чем рядом с домом – в «Острове».

А дома – съемная комната в хрущевской «двушке». Проводка висит по обоям, кран этот в ванной всё время... Но какой там был яблоневый сад под окнами! Самый настоящий, нетронутый, никакого асфальта, только едва заметные тропинки. Весной сад превращался в розовую

сахарную вату, от которой пахло инопланетной кондитерской. А поздним летом под деревьями сидели тихие алкоголики и неспешно закусывали яблочками...

Потом я вытащу себя из всего этого, чтобы упаковать в костюм для хождения в мэрию по четвергам. Теперь никому и не расскажешь, вот только тебе. В Конюшне принято демонстрировать исключительно здоровые зубы и не ставить под сомнение родословную – а меня же взяли из «коммерса»... Но тут у многих своя маленькая тайна. На каждого Славу с папой-послом здесь есть свой я. Или Катька.

Здесь я получаю четыре редакторских оклада. Квартальные премии. Спонтанные премии от щедрот Аса. Помню, в первый год работы я пришел – 30-го, что ли, декабря – домой, и, как в дурацком кино про внезапных миллионеров, бросал в воздух пачку пятитысячных бумажек, и смеялся, когда они падали на меня. Как идиот смеялся.

– Он один у себя? – спросила меня около Асовской приемной Катька.

– Один, но позвал интернетчиков, так что поторопись.

Катька исчезла за дверью, а вместо нее нарисовался Слава.

– Может, по супу? – говорит.

– Ай ай, кэптейн.

Мы с ним и с Овечкиным ходим на обед в «Галерею художника». Супы действительно хорошие, сейчас вот – гаспачо и крем из брокколи. Слава всегда берет гаспачо, я – больше по ухе с семгой, но крем тоже сойдет. А что сегодня будет у Сашки, сказать сложно, потому что он привередничает по поводу любого блюда.

Мы со Славой отправились к свободному столику, оставив Овечкина морально убивать официанта. Болтали о разной ерунде. Вроде бы о футболе: я не любитель, но Слава – давний цскевец, он и летом в их красно-синем шарфе таскается. Потом о певице Монеточке – тут уж «цскевец», скорее, я. И вдруг Славушка как бы между прочим говорит:

– Стрелка уже на шести, ты видел?

– Дружище, ты мое описание читал, сам-то как думаешь?

– Ага, – говорит Слава, – и что будет на двенадцати, есть идеи?

– Надеюсь, всё вот это вот навернется.

Слава задумчиво жует галету.

– Да, – говорит, – неплохо бы. Но мне пташки сообщают, что Хиропрактика нашли и сейчас договариваются.

Треплю он все-таки.

– Всё забываю, – отвечаю ему, – что твои пташки служат в Avengers. Тони Старк-то уже подключился к переговорам?

Кстати, помнишь, Настя, товарища, который в рассказах об армии всё сильнее смещался из Киргизии к афганскому пеклу? На какой-то из пьянок он уже косил духов под Кандагаром. Может, позже добрался и до дворца Амина, не помню. При этом все наши были в курсе – чувак вообще не служил. Откосил по плоскостопию.

Вот Слава – такой же кочующий герой. Что бы важного ни случилось, он там. У него на всё есть свое мнение, ему всё рассказали свои люди. У него Источники. Впрочем, иногда ему и вправду попадают кое-какие сливы. Если много лет сгружать в газеты кубометры дерьма, иногда до тебя будут долетать рикошеты.

– Список в «Независьке» хотели тиснуть, – снова типа невзначай сказал Слава. – С кандидатами в подземное политбюро. Там интересно.

– Я тебе таких нарисую полтора десятка.

– Его в редакцию прислали.

– Как в том анекдоте: и вы рассказывайте.

– Ты же, старик, не знаешь, от кого занесли.

Никакой разницы на самом деле. Ну хорошо, почти никакой.

– Да уже не знаю, – говорю. – Наши «старшие» так начали друг друга жрать, что от кого угодно.

Слава хихикнул. У него на физиономии нарисовалось то самое хитрованское выражение, по которому невозможно определить: это он выпил – или трезвый и просто шутит. Он вдруг шлепнул по столу ладонью, как в игре моего детства на вкладыши, и на крышке образовался листок бумаги. Слава чуть оторвал от бумаги пальцы, демонстрируя мелкий типографский шрифт. Его ноздри дрожали от гордости, а лицо претерпевало такие метаморфозы, будто Слава намеревается богатырски чихнуть, но из последних сил себя сдерживает.

– Откуда у тебя?

– От верблюда.

Вот она – зримая польза от многолетнего подкупа журналистов.

– И что? – спросил я, краем глаза изучая набор фамилий.

– И то. Ответсека, который в ночную смену, сразу взяли. Редактора попозже – под утро. Сейчас обыски, выемки. Газеты несколько дней точно не будет.

Посмотришь – ничего особенного, подобные списки в интернете публикуются каждый день. Там с разной степенью удачливости гадают о следующих жертвах, делают ставки и сливают на них биткоины, составляют профайлы на уже вычеркнутых Хиропрактиком. Но газета – другое дело. Это же по-прежнему параллельная вселенная. В отличие от нашей – с черным рынком новостей, догадок и мракобесного безумия, – белоснежное ласковое пространство отлитого в граните вранья, строгих добрых лиц, уверенности в завтрашнем дне. Там даже упоминания об hr не найти, не то что рассказа об эпидемии внезапных смертей руководства страны.

Это не сообщающиеся сосуды, в них совершенно разная микрофлора, Настя. Скорее всего, просто не способная жить за пределами своего контейнера. Наш интернет-асассин Георгий даже как-то рассуждал, мол, вот он – настоящий плюрализм. Каждый может выбрать себе реальность по вкусу. Только настрой телеканалы (или, если ты на дух не переносишь ящик, – тоже каналы, только в телеграме), отключи всё, что раздражает, и наслаждайся тем, как мироздание целует тебя в мозг: ты такой молодец, ты всё правильно понимаешь.

И вдруг такое грубое вторжение.

– Помнишь, – говорю Славе, – как после «Бассейна» быстро выпилили всех, кто написал про утонувшего пресс-секретаря патриарха? Вплоть до какого-нибудь «Комсомольца Мордовии»? Что ж их жизнь-то не учит?

– Так-то оно так, – говорит Слава, – но тогда стрелка была еще на четырех. Сейчас-то всяко сильнее бомбит. Не мы же одни про двенадцать думаем.

Тоже верно.

«Бассейном» ее, кстати, назвал кто-то из людей всё того же нашего друга Георгия. Пока не выпилили, «Бассейн» висел на стене кафешки в районе Пятницкой. Но сработали быстро: ни цензоры, ни наши не добежали. Сейчас на «Сотбис» продают. 600 тысяч евро.

– Так и от кого занесли список грядущих мертвецов?

Уберегая хозяина от необходимости отвечать, по столу запрыгал Славин айфон.

Слава поднял предостерегающий указательный и с видом пса, увидевшего свою тень, застыл у аппарата.

– Опять кого-то схавали, – объявил он по итогам услышанного. – Сергеичу прислали наборец – нам нужно будет ткнуть пальцами в наиболее похожих на Хиропрактика. Старик, быстро закидываем в себя, что осталось, и бежим.

это совсем не то, саша

Ас не любил, когда Надир назначал встречу в этом особняке. Во-первых, суэта: шмон ФСО, шлагбаумы, которые падают сзади с металлическим лязгом, и камеры-камеры-камеры, делающие из тебя мальчика в шоу «За стеклом». Было такое миллион лет назад.

Во-вторых, само место уж слишком на виду: как будто ты сознательно приходишь сюда то ли сдать, то ли заявить о своих правах... на что? Каких еще правах?

Смотришь на эти выющиеся флаги и камуфляжных ниндзя с автоматами – и понимаешь, что это всё не твое. И сам ты тут никто. И не будешь никогда, так и проходишь всю жизнь в подающих надежду. Вот уже сколько, лет пятнадцать ведь?..

– Привет, Саша.

Надир вышел навстречу, довольно шурясь и в то же время чуть склонив голову – он так всегда извиняется.

Хорошо выглядит. Всем бы так в его годы.

Старик долго держал в своих ладонях руку Александра Сергеевича, заглядывая ученику в глаза. Всё душу ищет, подумал Ас и ухмыльнулся.

– Знаю, невовремя тебя выдернул, – развел руками Надир.

– Да ладно тебе, – сказал Ас, – зато приехал повидаться, припасть, так сказать, к источнику мудрости, что ж тут плохого?

– О, – вздернул бровь Надир, – как раз это я тебе и расскажу.

Они прошли к диванам. Это какой, синий вроде бы зал? Ну да, в прошлом месяце он здесь собирал «народных избранников». Законы им раздавал.

Надир сел на свое место – слева. Ас знал, что у старика болевая спина и тот стремится опереть ее на специальную спинку, про которую несведущие, ясное дело, понятия не имеют.

Появившиеся из ниоткуда девочки в бело-голубом сотворили кофе-виски и синюю пухлую папку, которую Надир тут же прихлопнул ладонью.

– Как ты, дорогой? – спросил он.

– Да некогда подумать об этом даже, с совещания на совещание – короткими перебежками...

Надир аж качнулся вперед всем корпусом, показывая, что понимает, с чем приходится иметь дело ученику. Понимает и соболезнает.

– У самого-то всё хорошо, надеюсь? – спросил Ас. – Как с тем проектом?

– Испанским? – уточнил Надир.

Ас кивнул, удивляясь, что об этом здесь можно говорить вслух.

– Всё в порядке, спасибо, Саша. Спасибо за помощь.

– Ну, это не помощь...

– Не скромничай. Всё равно, что глаз пожертвовал.

Ас отхлебнул кофе.

– Саша, – сказал Надир другим тоном, давая понять, что с формальностями покончено, – твои работали уже по седьмой?

– Нет еще. Выехали, но там уже особенно не с чем работать. Проводят реконструкцию.

Надир тяжело вздохнул.

– Понятно. Там был Прокофьев, наш Валерий Петрович.

– Что с ним?

Надир погладил папку, будто собираясь ее подбодрить. Открыл, снова вздохнул и положил на стол два листка: фото с детальными описаниями.

– Вот это, – сказал он, показывая на первый, – седьмая. А вот это – последствия.

Ас знал этого типа с картинок, дважды был у него на приеме. Такой обыкновенный. На всех сразу похожий. Что-то с галстуком только. Нелепый какой-то галстук.

– По трассе? – спросил Ас, разглядывая распластанное по дереву тело.

– Нет. Это совсем в другом месте. Какой-то тупик. Около Балашихи, что ли.

Надир поморщился так, словно Балашиха представлялась ему склизкой сколопендрой.

– Ты его хорошо знал?

– Да не то что бы совсем так, Саша.

Александр Сергеевич переключился на первую бумагу – сказки Пушкина, видимо. Богатый набор. Редкостно богатый. Захотелось даже попросить у Надира исходник. Но нельзя. Понятно, что нет.

– По восходящей, – сказал он учителю, – не сбавляют оборотов, да?

– Да, Саша. Это при том, что у него еще двое в запасе.

– И вы всё еще не остановились ни на одном из вариантов?

– Думаешь, уже пора?

– Слушай, дорогой, если уж ты мне не можешь сказать, то мои возможности...

– Саша, – очень веско, дробя фразы тяжелыми паузами, сказал Надир, – мы... сомневаемся, что... это те... на кого принято... указывать пальцем.

Ас непроизвольно улыбнулся. Всё же сдал старик, подумал он. Внешне хорош, а нервы бросают из стороны в сторону. Неделю назад ведь про это вдоль и поперек поговорили – с выкладками, с разбором. И тогда он со всем согласился. А теперь – пожалуйста. «Мы сомневаемся».

– Только не говори, что ты тоже уверовал в возмездие с небес, – приятельски тронув Надира за плечо, сказал Ас. – Мне достаточно рвущегося в церковь Волина.

Надир в ответ похлопал его по руке.

– Синьор Дон Кихот, синьор Дон Кихот, вы дома или опять не в себе? Твой профессор староват, но еще дома, Саша.

– Рад слышать, дорогой.

– И всё же, Саша...

– Да, Надир?

– Прочеси и своих, пожалуйста.

2

лукоморье

Илья внимательно вгляделся в вагонные внутренности, но никого подозрительного не выловил. Пара сонных мужиков в грязных мешковатых штанах. Тетка с рулоном. Дед с саженом. Парень с ноутбуком: смотрит в него, а у самого глаза закрываются, того и гляди – клюнет носом экран. Смешной. Вагон тоже должен быть смешным, но вместо этого страшноватый: будто детскую книжку в истерике разодрали, и куда попало разбросали куски. Там – стишата про дядю Степу, тут – пол-лица Карлсона. Из-за двери хмуро шурится крокодил. А что ты хотел, Гена?!

Илья через стекло заглянул и в соседний вагон: нет, там тоже никого похожего. Может, и пронесет: Майе мерещится временами.

Ладно.

Сев в дальний пустой угол, он раскрыл сверток и еще раз пересчитал отпечатанные на клейкой бумаге флаги. Двадцать четыре. Ирландский зеленый колер, острые гербовые снежинки. В прошлый раз с красным отливом вдруг получились. Илья даже взялся ругаться с Митькой, но Майя сказала – даже лучше, эксклюзив. Он их так и назвал: «Сибирь под красными».

Когда объявили «Полежаевскую», Илья вышел из вагона и прошелся, кружась в идиотском танце, по платформе. Он всё еще боялся, что за ним топают цензоры. С чего-то взялся напевать, и на «до свидания милый, милый» от него брезгливо отшатнулся какой-то папик в клетчатом шарфе. Больше никого здесь не было. Платформу перекрывал пустой старый поезд, похожий на палку лежалой копченой колбасы. Из-за него по ту сторону запасного пути не было видно уже совсем ничего.

Илья впрыгнул в следующий состав – снова почти пустой – и теперь ехал до «1905 года». Здесь снова вроде как ремонтируют эскалатор, но понятно, на самом деле роют ад. Это по всему метро так: спешат поглубже закопаться, пока не началось. Пока в окно не стало просовываться серо-облачное, московское ежедневное. Осеннее разрывное. От этой пелены местные хотели бы схорониться даже в подземном аду. Они помнят, что метро – объект оборонный, значит, тут должно прятаться убежище.

А может, подумал Илья, эта вынимающая кишки осень в самом деле оружие массового поражения? Американцы нас уделали, а мы даже и не сообразили. Какой-то там истребитель пятого поколения собираем из говна и палок, а в глаза продолжает сыпаться эта безнадега, от которой ноги проседают и руки начинают дрожать. Нет, в самом деле, в аду должно быть повеселее. А тут – только обернуться дёрном и сидеть в самой глубокой норе. Лишь бы не видеть этого всего, не вспоминать даже.

Выйдя из стеклянных дверей, Илья с ненавистью посмотрел вверх – неба не было. Вместо него камуфляжная мелкодисперсная пелена. Кажется, запули в нее бутылкой – она только с чмоканьем всосет. Еще и дождь сыплется...

Он прошел мимо темного пятна памятника, отсалютовав поклоняющимися пальцами братьям-рабочим в бэтмановском плаще. Хорошо было бы на сам монумент флаг шлепнуть, но слишком место заметное – в момент заметут. Значит, через парк к Трехгорной мануфактуре, так ведь и собирался.

Между деревьями висели свалявшиеся клубки тумана. На лавках всё еще обитали какие-то полупьяные полупидоры. Недолго уже.

Илья чуть замешкался перед подземным переходом, потом плюнул и перебежал дорогу поверху. Береженого бог бережет. И даже если бога нет, у береженого по-любому остается больше очков жизни.

Теперь Трехгорка была прямо перед ним: киношный краснокирпичный замок, изъеденный изнутри модными кофейнями и барбершопами, – воображаемая Европа, что-то о себе воображающая.

Два флага-плаката пошли на западную стену. Они здесь смотрелись как родные, будто их еще при царе-батюшке впечатали. Еще один Илья внезапно добавил внутри – слева от магазина раздутых курток с татуированными рукавами, он решил, что там должен быть приличный трафик – не каждый день такую ерунду показывают. Вообще-то он редко импровизировал: расстановка – штука выверенная, точный ритуал. И только так и работает. Теперь из-за внезапного порыва придется Полянку, наверное, обездолжить.

Илья снова обернулся. Хвоста нет, и отлично. Значит, просто паранойя. Уважаемое заблуждение, профессиональное. Он, когда еще в Сибири ставил «Флаги независимости», уже тогда оглядывался: топают ли. Сначала казалось – да, потом – нет. А потом цензоры в самом деле появились – два года назад. Тогда Коржик вовремя предупредил – Илья с Майей собрали ноги в руки и свалили в Москву, на всякий случай через Минск. Маленьких вот не увезли – это беда. Крошка и Василиска – как они там? Только тем и успокаиваешь себя, что котам нельзя, в смысле с кошками нельзя. Сейчас вот, может, тоже срываться придется.

С 1905-го он двинул на Баррикады. Пока шел, в голове самозародилась песня Гребенщикова «Таможенный блюз»: «Третий отец – Дзержинский, четвертый отец – кокаин, с тех пор, как они в мавзолее, мама, я остался совсем один». Илья стал думать в том ключе, что Гребень не понимал своего счастья. В мавзолее. Сейчас-то папаши один за другим лезут наружу.

Около зоопарка, прямо посреди дороги, показательно стояла полицейозка. Илья на несколько секунд замешкался, пропуская накатившую волну теток в цветастых пальто с волочащимися за ними, будто тяжелые хозяйственные сумки, детьми. Крутанулся на каблуках, решив свернуть на Большую Грузинскую, передумал, сделал пару шагов, снова передумал и быстро перебежал улицу в потоке недовольных спешащих граждан.

Метрах в двухстах от перекрестка – направо, направо и снова направо – забор зоопарка оказался разрисован зверями-птицами: голова ворона в профиль, еще одна – повернутая в обратную сторону, волк с солнцем в открытой пасти... другой – с луной. Илья даже остановился, разглядывая когти и перья. У всех зверей, даже у стоящего на задних лапках волчаченочка, были змеиные глаза: зелено-золотистые, посеченные сверху вниз узким черным зрачком. От этого казалось, что каждый из них, даже тот, кто прикидывается плюшевым, гипнотизирует тебя, чтобы задержать на лишнюю секунду, необходимую для броска. И вот она прошла, и эти глаза уже напротив твоих.

Илья поежился. Ему резко расхотелось ставить что бы то ни было по соседству с зараженным выводком. Кто это начал такое бодяжить?

Он пошел дальше, стараясь не наступать на расплзающуюся из луж грязь. Она, тем не менее, всё равно квакала под ботинками. Под правым, у которого трещина в подошве, громче.

Илья направился через Садовую – к Патриаршим. Из всего этого города для ежей в тумане здесь едва ли не единственное приличное место. Ну как приличное. Тоже гадостное, но всё же обаятельное в своем бесстыдстве. Если Трехгорка – это влажные сны хипстеров, то здешний нарисованный на куске холста Париж – пастбище их старших братьев и сестер. Шоссоны с яблоками, отполированные «Bentley», кафешки с расшитыми поджопниками для сидения на улице. Здесь ты Незнайка на Луне, а вокруг – артефакты чужой до невозможности цивилизации. Их полиция, их макаронные фабрики и газеты для любителей почитать лежат остались на работе, застряли в каком-нибудь четверге. А по субботам Спрутсы, Миноги и Хапсы танцуют здесь одни.

Илью интересовал бар «Малевич» («Бармалевич»?) на первом этаже сталинского дома-торта. В нежную розовую пастилу фасада врезалась неуклюжая кособокая дверь заведения, а из черных квадратов окон выглядывали проволочные револьверы. Илья подошел к двери и даже подергал ее ручку – та не поддавалась. В такое время здешние еще не вынули себя из утренней дремоты. Не знают, что их место обитания стало объектом «культсопра».

Он достал два плаката и без спешки, аккуратно убирая защитный слой, наклеил их поочередно на одно и другое окно – так, чтобы пистолеты оказались выше снежинок. Теперь со стороны казалось, что они тоже часть композиции.

– А может, стоит взять на вооружение, – сам себе сказал Илья, разглядывая то, что получилось.

Они вышли со стороны «Баррикадной». Поджидали, поди. А может, как Майя и говорила, уже вчера на плечо сели.

Илья оглянулся и быстро пошел в сторону Тверского бульвара. Шагов через 50 остановился: конечно, и здесь тоже. Двое в веселеньких ветровках: желтенький и оранжевый. Цып-лятки.

Он рванул с места вправо и тут же резко влево – в переулок, а дальше можно в какое-нибудь посольство через забор попробовать. Только эти – в спортивных штанах – очень быстрые. Зожники наверняка.

Илья бежал, спиной чувствуя, что проигрывает. Еще, может, метров сто и...

Всё.

Еще двое впереди.

Он остановился и поискал глазами случайных прохожих. Есть такие, но уже сообразили, к чему дело, и быстро-быстро во дворы.

Зожники, не спеша, приближались. Те, что спереди – в дутых спортивных штанах, шапочки спартаковские, – скалились. Те, что со спины – во всём подряд, – просто шли гопой. Слипшиеся до неразличимости.

Илья расстегнул ворот пальто – жарко.

– И чего ты у нас забыл? – спросил один из передних, остановившись на расстоянии прыжка.

– А ты в каком звании? – поинтересовался Илья, с дебильным добродушием уставившись на этого чухонавта.

– Я-то? Я для тебя товарищем майором буду, – пообещал зожник. И резко выбросил вперед ногу, целясь в колено.

Илья дважды увернулся, попробовал дернуться в сторону, но второй, тот, которого он даже не успел рассмотреть за спиной «товарища майора», вдруг прыгнул и, схватив Илью за одежду, повалился вместе с ним на газон.

– Ну что, – сказал первый зожник, наклоняясь к Илье, – молись своим американским богам.

Круглая крышка палехской шкатулки во всю стену – обложка пушкинского «Лукоморья». По цепи вокруг дуба идет на четвереньках праймтаймовый телеаналитик, из одежды – только очки. В ветвях – русалка со смутно знакомым лицом играет гимнастической лентой. Лента спеленала мужика в костюме. Из барашков морских волн один за другим выходят утопленники в черной форме подводников. В небе над ними человек в маске Гая Фокса рубит бороду световым мечом не то председателю центризбиркома, не то популярному патриотическому блогеру. В центре – огромная голова витязя, нефтяного барона, с крестиками вместо глаз, раздувшаяся и густо утыканная копьями, как лицо персонажей фильма «Восставший из ада». Вокруг головы водят хороводы сказочные существа: лешие, кикиморы, Баба Яга и Кощей.

Вроде бы тоже с какими-то неслучайными лицами. В углу – солнечные часы с тенью на семи. Седьмая, значит.

Илья рассматривал разукрашенную стену уже минуты две, с тех пор, как его швырнули рядом с ней на тротуарную плитку. Приложили не сильно, но ощутимо. Воспитательно.

Интересно, давно они пасут картину? Никто же еще не сообщал о такой, разве что вчера-сегодня появилась. Но тогда получается, буквально чуть-чуть с Хиропрактиком разминулись...

Илья попробовал подняться. До тошноты болит правый бок и затылок жжет – похоже, кровь всё еще не остановилась.

– Раздевайся! – приказал «товарищ майор», которого, как уже знал Илья, остальные звали Арчи.

– Нашел, на что дрончить, – облизывая разбитые опухшие губы, сказал Илья, и тут же получил кулаком в ухо. После второго удара не смог устоять.

Дальше били ногами – не целясь, куда придется. Илья старался спасти от ударов живот, но нет. Не всегда. Время вдруг слиплось в один большой грязный желтоватый ком, в сгусток тяжелого желе. А Илья будто тонул в его жиже.

– Раздевайся, – повторил Арчи, когда его зожники сделали передышку. – Шмотками своими будешь оттирать.

Илья, полулежа, показал цензорам «фак». Зажмурился и сжался в ожидании новой порции ударов, но этот раунд прекрасные ребята пропустили.

Когда он открыл глаза, Арчи сидел перед ним на корточках. Круглое веснушчатое лицо, широкий нос, улыбочивые серые глаза.

– Слышь, гондон, – сказал Арчи ласково, – ты, наверное, думаешь, гондурасик, что герой, да? Такой, типа, смелый, что куда деваться? Дерьмо решил. Ты девку свою помнишь еще? Я сейчас скажу мужикам – они привезут. Но могут не целенькой.

– Сука ты, – сказал Илья, морщась. Теперь, когда говоришь, слева бок обдаёт сначала резкой, а потом растекающейся во все стороны болью.

– Нет, чувачок, это ты – сука. Вставай и давай, начинай жопкой работать.

Зожники трянули Илью и, придерживая, поставили на ноги. Один сорвал с него пальто, так что пуговицы разлетелись в разные стороны, второй оттянул и чем-то острым распорол свитер.

– Майку тоже рви, – разрешил Арчи. – Ею пусть и трет.

Илья подумал, что должно бы стать холодно, но отчего-то не делается. Вместо этого его обдало успокаивающей отупляющей волной. Как будто вновь посадили на транквилизаторы, как тогда, во Второй терапии. Словно зубная паста с мятой растеклась по телу и приятно покусывает изнутри холодными маленькими зубами. Голова стала легкой и пустой. Она оторвалась от туловища и держалась чуть поодаль, глядя на себя почти безразличными, может, только чуть саркастически сощуренными глазами. Глазами, которым нипочем разбитый висок и капающая кровь. У которых нет никакого бока. Вообще нет ничего лишнего, отвлекающего от... лень додумывать эту мысль.

Тело прислонилось к стене и ободряюще похлопало русалку по хвосту. Ему сунули в руку тряпку, ударили. Еще раз. Оно что-то делало, но что – было совершенно неважно.

– Как-то у тебя без огонька идет, – заметил вечность спустя длинноволосый цензор в кожаном плаще. Этот, на остатке батарейки соображала голова, не похож на зожника, ботан какой-то. – Когда свою грязь малюешь, небось, веселее идет?!

Илья молчал. Мысли сами собой рассасывались, глаза застилала желейная пелена. Ничего уже нет, и тем более ничего не будет.

– Что кровью-то капает? – не унимался ботан. – Ты подбирай и ею замалевывай!

Илья так и сделал. Он плюнул кровью на стену и стал растирать.

Хиропрактику бы наверняка понравилось.

На цензоров он больше не оглядывался, а они его больше не били. Это уже хорошо. Еще хорошо бы придумать, что делать дальше. Но мыслей нет.

Воздух яростно зашипел, как если бы из-под бурой плитки на тротуаре полезли змеи.

– Щ-щ-щ, Арчи, менты!

Главный зожник подскочил и сбежал вниз – свериться с пейзажем.

– Не должны же вроде? – тронул его за плечо лысый Коха.

Арчи безгласно сбросил руку.

Снизу неспешно, но во вполне определенном направлении поднимался полицейский.

– Мишаня, Буга, вы со мной, – распорядился Арчи. – Вадик, Коха, вы остаетесь.

Илья всё с той же ленивой отстраненностью подумал, что надо, наверное, попробовать бежать, но вместо этого просто сел около стены. Он по-прежнему не чувствовал холода, но руки стали слушаться заметно хуже, а спину саднило будто от мелких порезов.

Мент и делегация цензоров встретились, и сержант оценивающе обвел взглядом троих зожников в разноцветных куртках. По результатам осмотра он выкатил на лицо ухмылку превосходства: эти гопники были слишком прибрахленными и слишком ухоженными для того, чтобы оказаться настоящими.

– Что вы тут развели? – собирая слюну в плевок, спросил сержант через губу. – Кто такие вообще?

Арчи выдвинулся вперед и протянул заготовленную бумажку.

– Нормально всё, командир, мы из КЧН.

– Откуда? – скривился сержант, но верительную грамоту взял.

Он развернул листок и, пережевывая про себя слова, пробежал его глазами.

– Сами себе нарисовали? – поинтересовался он, поднеся поближе к глазам печать.

– А ты позвони, – хмыкнул Буга.

– Кому?

– В Культурное наследие!

Арчи протянул сержанту визитку.

– Вот по этому, – сказал он, придавливая ногтем номер телефона, – мы – вторая группа.

Но там и так знают, кто где стоит.

Мент с сомнением посмотрел сначала на визитку, потом на троих зожников.

– Прекратите пока, – после некоторого раздумья объявил он и стал диктовать телефон с визитки кому-то по рации.

Пока не было ответа, Буга завязал с сержантом разговор про 12-е число, когда состоится инаугурация. А правда ли, что будут перекрывать весь центр? И еще на репетицию? Да, неудобно, но дело понятное. А маршруты в объезд? А от Белорусской? Потом перешли на рост цен за парковку. Сержанту рост нравился, и цены тоже нравились. Ему вообще нравилось, когда поджигают жопу всем этим «местным». Сам-то он из Коломны. А что, нормально. Нормально! Да в Коломне люди хоть на людей похожи, а не как у вас здесь вон – со своими сраными стенами. Москвичи, блять, хуевы!

Рация ответила минут через десять. Сержант слушал, морщась, словно от головной боли, а, может, ему просто было плохо слышно.

– Ладно, – сказал он, – понял! – И, обернувшись к зожникам: – Давайте, заканчивайте быстро, пока телевидение не понаехало. Десять минут, и всё!

Он отвернулся и вразвалочку пошел прочь.

– Командир, двадцать и лады, – предложил Арчи.

– Сказал – десять, – не оборачиваясь, гаркнул сержант.

– Эй! – крикнул Арчи своим. – Давайте в темпе, люди ждут!

Не было видно, как мент сел в машину, но зато все услышали, как она отпрыгнула несколько гулких звуков и снялась с места.

– Красавчик, Арчи! – восхищенно объявил Буга, провожая невидимую ментовозку взглядом.

– Учись пока я жив, сына. – И, уже обернувшись к тем, кто остался у стены с картиной: – Давайте, четче всё делаем! Двадцать минут!

Арчи подплыл (подполз, не торопясь, подлетел – голова заложника не знала) к Илье и постучал его пальцем по носу.

– Плохо работаешь, – с сожалением сообщил он, – тебе жарко, наверное. Снимай штаны и начинай жопкой затирать. Снимай-снимай!

– Точно! Был «Хуй в плену у ФСБ», а у нас будет «Жопа в плену у КЧН», – Буга захохотал, радуясь собственной шутке. Остальные тоже осклабились.

– А что, – согласился Арчи, одобрительно обводя глазами свою тимурову команду, – толковый проект, мужики. Леня, включай-ка камеру...

липкие гады

Майя не могла сидеть. И лежать. И ходить по комнате. Всё это было одинаково невыносимо: пульсы колотились, желая вырваться, не давали найти себе места. Будто кто-то взял тело Майи в плен и теперь требует от него проделывать разные изуверские штуки. Срываться с места и тут же оседать без сил. Сжимать пальцы – так, чтобы ногти резали кожу и обламывались. Глотать поселившегося в горле липкого гада и никак не сглотнуть. И много другого разного, но одинаково лихорадочного, злого.

Она спрятала сотовый под подушку в спальне – чтобы он не звонил и не вибрировал страшными смсками. Заперла дверь и даже – насколько смогла – подтолкнула к ней стиралку.

Это паника, паника, говорила она себе. Надо просто успокоиться, надо взять себя в руки. Но пульсы были сильнее: Майя начинала то плакать, то лупить себя по щекам, не чувствуя прикосновений, не слыша звука пощечин.

Вуду. Иголки в живот. Ты задыхаешься и только моргаешь от боли – разноцветной, переливающейся, больше оранжево-красной, наползающей жарким горизонтом, холодной тошнотворной волной.

– Эй!

Майя вздрогнула и с ужасом обернулась.

На пороге комнаты стоял Витька.

– Витя! – завопила Майя и бросилась к нему, снова заревев.

Витька покачнулся, когда она в него врезалась, но тут же сграбастал Майю в охапку, пытаясь одновременно гладить по растрепанным коротким волосам.

Даже дышать трудно, но так всё равно лучше, чем когда никто не держит. Майю продолжало колотить, и она ни слова не понимала из того, что говорил Витька. Неважно, само журчание его речи чуть-чуть успокаивало.

Минут через двадцать, а может, тридцать, или через пять часов – кто знает, появился и Леша.

К этому моменту уже подействовали валокордин – Витька налил ей слоновью дозу – и теплая грелка в ногах.

Витька с Лешкой начали успокаивать лежащую на диване Майю на два голоса: уверенно кивая, взбивая воздух ладонями, поддакивая друг другу.

Майя сначала ничего не говорила, просто, сжав губы и стараясь не стучать зубами, слушала.

Потом пробовала в отчаянии отворачиваться – сами не верят, и в голове мусор. Не знают будто бы! Как это Илье-то (ой, опять втыкается в живот!), Илье как поможет?! Она поняла, что втайне надеялась – эти двое сразу разузнают. Свяжутся. Определятся. А они только сами себе врут. И неубедительно. И страшно...

Лешка пододвинулся ближе к ее дивану и заговорил медленно, нараспев:

– Ма, ты слушай только меня – как папочку.

– Мамочку, – мрачно заметил Витька.

– Выключи себя и возьми общий план, – говорил Лешка, не обращая внимания на подбегки, – как учит господь наш Герман-отец и сын. Сто сорок шесть процентов, что это те же самые ушлепки, которые в июле меня фигачили. Ну, так и тут как со мной будет: определяют в сарай на пару ночей или где они там копошатся. Подержат несколько деньков и выпустят голым с надписью на спине. Не больно и не страшно. Противно разве.

– У тебя можно курить? – спросил Витька. Раньше никогда не спрашивал.

Майя криво ухмыльнулась. Леха хлопнул себя по лбу и протянул ей пачку. Какие-то синие тошнотворные, Майя даже закашлялась. Три месяца держалась. Или больше, спросила она себя, – и тут же на себя отчаянно разозлилась. Что это, сука, за мысли такие?! Нашла о чем думать!

– И что? – с вызовом спросила она Лешку, но тут встрял Витька.

– Если будем сидеть на жопе ровно, то они его могут сколько хочешь держать... – он сообразил, что сказал не то, и тут же затараторил: – В смысле, дольше могут. А если мы их подпнем – другое дело. Майка, тут нельзя отмораживаться. Скакать надо!

– Может, к ментам? – неуверенно предложила Майя.

Витька вздохнул и оскалился в усмешке смертельно больного. Лешка заржал.

– Ма, да менты же их и крышуют, ты же сама говорила, помнишь?

Майя кивнула. Просто когда говоришь в обычное время – одно, а теперь хочется хвататься за любую возможность.

– Не поможет, – предупредил Витька. – Только нас самих повяжут – за сепаратизм, как Школьника, или за хулиганку, за вандализм, – не знаю. Закроют, и всё.

Никто не спорил.

– Вы уже, смотрите, обо всем договорились, – сказала, наконец, Майя. Она чувствовала, что самое время снова заплакать, только слез уже нет.

– Мы пойдем по его точкам, – сообщил Витька, – поставим знаки там, где Илюха хотел.

– Чтобы разным шлюхачам не казалось, что можно нас заткнуть запросто, – поддакнул Лешка.

– И каждый день будем увеличивать разлет, чтобы они поняли, что не в Илюхе дело. Что так им только хуже.

– Чтобы они ссаться стали каждый день, ложась спать! – рявкнул Лешка.

От этого бравурного тона Майю бросило в ярость.

– Вы всё уже придумали, да? А кто Илью будет вытягивать?!

– Ма, ты не права, – обиженно сказал Лешка. – Ну кто? Мы и будем. Это же на нервы матч.

– Матч?!

– Ну, как хочешь назови.

– Это никакой не матч, понимаете! Это жизнь могла бы быть! А мы только скачем с этими картинками, скачем... – Майя зашлась в рыданиях.

– Ма, ну ты не права, – пробормотал Лешка, – ничего такого же, мы тоже... За Илюху... и дальше...

– В плен никто не сдается! – нарочито весело объявил Витька.

– Как будто вас кто-то возьмет, – сказала Майя и зарылась лицом в подушку.

ГОЛОСОВОЙ ЧАТ CHERDAK. ВОСЕМЬ УЧАСТНИКОВ, ЧЕТВЕРО В СЕТИ.

gROOT: Так, это Корень. Всем чмоки в этом чате. Без явок-паролей, по имени никто никого, ок?

Gad_sibirskiy: Как скажешь, Витя.

gROOT: Ну вот хули, а? Детсад что ли?

Anjeu: Мне 27, меня зовут Андрей и я – алкоголик. Здорово, Витя.

gROOT: Всё у вас КВН в заднице играет.

Gad_sibirskiy: 1488.

Anjeu: Топ кек.

Slava KPSS: Салют, чмошники.

gROOT: И тебя в жопу, Леня. Ладно, где Черный? Только у меня он в инвизе или никто не отображает?

Slava KPSS: Нету.

Anjeu: Та же фигня.

gROOT: Вот гадство, я же всех просил... и Четверга нет?

Slava KPSS: Четверг чуть опоздает, но будет, не пусайтесь.

gROOT: Ладно, давайте пока на четверых. Трубача так и нет. Заперли не в ментовке – похоже, где-то у цензоров.

Anjeu: Нашли, где его стопорнули?

gROOT: На Патриках последний знак. Выходит, где-то после.

Gad_sibirskiy: Слушайте, Монстрацию надо выводить – вот как раз в тот район.

gROOT: Какая Монстрация в такую погоду? Не соберем никого.

Mirkwood: Вечер в хату, арестанты.

Gad_sibirskiy: О, салют, Черный!

Anjeu: Дарова.

Slava KPSS: Йеп-йеп.

gROOT: Тебя одного ждем. По поводу Трубача, и чего с этим делать...

Mirkwood: Да я слышал. Монстрация – туфта, конечно, никто не выйдет после апрельского месива с цензорами. И да, еще погода скотская.

gROOT: Была еще мысль расписать Патрики подчистую. На каждом доме.

Mirkwood: Тоже не то. Трубачу не поможет.

Slava KPSS: Сам-то что в подоле принес?

Mirkwood: Есть идея – есть икея. Значит так, мальчики и девочки. Если вы хотите не мазать цензоров соплями, а начать всамделишный джихад, то надо делать то, что взбесит их «старших».

Anjeu: Без бэ. И что это, командир?

Mirkwood: Ксерокс Хиропрактика. Общий копир прежних граффити, и день в день каждой новой. Сутки – 100 штук. Или 200 – это как сможем. Но не меньше. И сразу по всей географии.

Slava KPSS: О, за такое ноги повыдергивают каждому.

Gad_sibirskiy: Классная мысль!

gROOT: Надо еще ребятишек подтянуть. Я в доле.

Slava KPSS: Какие вы гордые и смелые! Подите нахуй!

gROOT: Леня, да все поняли, можешь отключаться.

Gad_sibirskiy: А трафареты есть у кого?

Mirkwood: У меня три набора. Первая и две последних. Корень, ссылка у тебя. Перезальешь и раскидаешь пацанам?

gROOT: Понял, Черный.

Anjeu: А какую сначала? Или без разницы?

Mirkwood: Седьмую.

gROOT: Ну всё, значит, решили. Завтра в три-четыре по Москве, лады?

А через двое – снова связь.

ChadVerch: Граждане дорогие, я всё пропустил, да?

Gad_sibirskiy: Да, Четверг, опоздал. Пусть тебя теперь по морзянке посвятят. Скинет ему кто морзянку?

Anjeu: Сделаю.

ChadVerch: Вы, кстати, слышали, что у Практика еще одна бомбанула?

брат-солдат

Арчи доехал до «Динамо» и долго стоял у выхода: курил и разглядывал заборы строек века. Контур «Арены» уже четкий, может, на этот раз даже и доделают, а не только деньги попилят.

Он жил тут – ближе к «Аэропорту», правда, – лет десять назад. И всё с тех пор осталось на своих местах: та же тромбозная вена Ленинградки, готовая вот-вот лопнуть, те же буквы ВТБ на заборах, народ похожий. Только станция метро и добавилась – отпочковалась от «Динамо». Арчи почему-то не нравилась эта новая кольцевая линия. Да и никакая она пока не кольцевая – так, обрубок на пять станций.

Набрал Серюньку – ухо надорвал слушать фоновую музыку, но всё без толку, не отвечает, гаденыш. Валька его настраивает против отца – это железяка.

Ну давай тогда так. Набрал Вальку. Двенадцать гудков, тринадцать... думал, не возьмет, но нет, сдалась, сучка.

– Чего тебе? – говорит.

– Сыну трубку дай, – сказал, облизнув пересохшие губы, Арчи.

– Деньги на сына сначала переведи.

– Никаких денег у тебя не будет. Какие деньги, когда ты его от меня прячешь?

– Тогда никакого сына не получишь, – спокойно сказала Валька, – давай до свидания.

– Доиграетесь со своим папочкой, – пообещал Арчи.

– Что, – презрительно поинтересовалась Валька, – тоже молоточком, как этих своих, отделаешь?

– Вы зря со мной связываетесь, – предупредил Арчи. – В этом городе есть не последние люди...

– Передавай им привет, – сказала Валька и бросила трубку.

Надо будет сына у нее всё же отбить. Пацану такая мать – как рак легкого. Сейчас доделаем всё с этими художниками и займемся.

До редакции пошел пешком; в прошлый-то раз с форсом подкатил – с водителем и фсошными номерами. Но сейчас незачем. Нет повода, чувачки.

В коридорах когда-то родной для него «Комиссарской правды» толклись всё незнакомые люди. Арчи даже почувствовал ревность. Раньше меня тут каждая собака знала, подумал он, а теперь глазами раз-раз мимо, как будто и смотреть не на кого.

– Уроды, – с улыбкой сообщил Арчи какому-то хмырю на входе в фотослужбу и приветливо помахал рукой знакомому бильду.

– Что, Женя, из какой-нибудь горячей жопы опять привез репортажик? – спросил Игорь, с которым они однажды стрингерили на Второй чеченской.

– Да не, – отмахнулся Арчи, – денежки пришел подчистить, накапали, поди, а, дядя Игорь?

– Само собой, брат-солдат.

Арчи ухмыльнулся. Ему было по вкусу, когда его так звали в редакции. Это после Ливии началось. Натаха придумала.

– А Натаха у этих, в правительстве? – спросил он, разглядывая настенный календарь с атомной подложкой «Анна Иоанновна».

– Сейчас с вторым дитем сидит, но вообще у вицика по транспорту, да. Хорошо устроилась девка, да?

– Не знаю, – сморщил нос Арчи, – я не люблю этих пидорач.

Они еще поболтали с Гогой, уйдя в одну из переговоров. Арчи залез с ногами на стол и сел по-турецки. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь из проходящих мимо стеклянной стены шикнул на него. Тогда бы Арчи в ответ вскинулся, оскалил зубы и говорил бы, специально разбрасывая на такого дурачка слюни. А Игорь бы закатил глаза и заголосил: да вы хоть знаете, кто это?! Это же Жека, наш лучший репортер 2007-го, 2008-го и 2014-го, три ордена, пять горячих точек, с самим Батей на «ты», наш брат-солдат.

Но все чужие люди скакали мимо, уткнув взгляд в пол. Правда, уроды.

Сходил в бухгалтерию и расписался в ворохе ведомостей. Он всегда брал налом. Их учили брать только налом.

– Сейчас в Сирию или, может, в Африку? – спросил Игорь на прощание.

– Не, братка, сейчас с внутренней гондоманией зарежемся, – подмигнул Арчи.

Снова постоял-покурил, разглядывая прохожих.

– Эй, – окрикнул он проходящего мимо юного задрота, – помоги ветерану освобождения Донбасса!

Он протянул в сторону парня руку в перчатке без пальцев, а тот в ужасе захлопал глазами, делая шаг назад.

– Я истекал кровью под Иловайском! – С нажимом объявил Арчи.

Парень развернулся и быстро пошел в обратном направлении.

Арчи мрачно хохотнул. «Мы были на Болотной и придем еще». Надо гвоздь в голову таким забивать и забирать, что на кармане, подумал он. Расплодились, кротокрысы. Это слово хорошо подпрыгивало на языке.

Он посмотрел на часы – дорожные, наградные, – был еще час времени. Пока шел к метро, придумывал, куда его деть, но так и не сообразил.

Добравшись до МЦК, сел в первый же поезд – по часовой – и ехал минут двадцать, потом – в обратную. За окном был туман. И даже не туман, а такая ноздристая желтоватая пена, которую, казалось, распирало изнутри, отчего она лезла всё ближе и ближе. В какой-то момент Арчи даже показалось, что от этой штуки не защититься без противогаза, и что надо вскакивать и бежать искать пункт выдачи военного мерча. Слава святым, быстро попустило.

Когда подошло время, Арчи прилег на кресло так, чтобы его не было видно из-за передних спинок, и стал дожидаться, пока связной объявится в вагоне.

Ну, здравствуй, милая жопа. Чувак нелепо озибался по сторонам, тоскливо смотрел сквозь вагонную дверь, потом, качая головой, сел, приготовился долго и бессмысленно кататься – так полагается, если контакт не состоялся. Вот тут-то Арчи и выпрыгнул из своей засады, подлетел и с размаху хлопнул связного по ушам.

– Ап! – вскрикнул связной, а Арчи захохотал, усаживаясь рядом с ним и сдвигая его к окну.

– Пиздец ты мутант! – прошипел связной.

Арчи только довольно оскалился.

– Всё идиотничаешь, – зло сказал Овечкин, потирая ухо.

– Ну не плачь, не плачь, – подбодрил его Арчи, – сопли уже отвисают.

Овечкин сжал кулаки.

Арчи это понравилось. Если бы еще этот цыпа в самом деле вскинулся в ответ, а не только сверкал глазами, можно было бы с удовольствием замесить его лицо в кашку. Эти мудацата в своих пиджачатах всё думают, что могут приказывать. Указания раздавать. Ценные. Что они на равных, а может, и за главного. А от такого надо отучать.

– Ладно, – позволил Арчи, – выкладывай.

Он всегда ненавидел таких. Веселые брючки-очочки, с умным видом рассуждают о политике партии. Он ненавидел их еще щенком, когда приезжал в Москву из своего Серпухова – помогать матери таскать затоваренные «челночные» сумки. Ненавидел, начав носить репортажики в калининградскую «Комиссарку» (мать второй раз вышла за моряка). Тогда именно такой хмырь читал их вслух остальным ради смеха. И больше всего ненавидел, уже став спецкором федеральной газеты и поехав на Донбасс. Куча его корешей там барахталась в крови – своей и чужой, а эти тем временем водили по Москве антивоенные хороводы.

– Давай выкладывай, – повторил Арчи. – Время – деньги.

Овечкин не смог перебороть злость и оттого взволнованно затараторил: «культсопр», калька, двадцать три.

– Нихрена не разбираю, – отозвался Арчи.

Связной снова сверкнул глазами и начал громким шепотом произносить по складам. Получалось, что рисовальщики-недобитки задумали натуральный джихад.

Ишь чего, ушлепки, накрутили, подумал Арчи, множить будут картинки. Придется им объяснить, как мы поступаем с террористами.

– Местá говори, – сказал Арчи, – ребята пройдутся.

Овечкин стал мазаться, что не знает. Мол, вы сами мониторьте, в центровых местах наверняка...

Этот Овечкин – хлопотливая тетенька, вашу маму и там, и тут показывают, подумал Арчи. Ходит с этими, вылизывает им, а потом к нам. И обратно. Ничего, сученок, когда наши танки въедут в Москву, мы с тобой тоже поиграемся.

– А ты кого больше любишь, папу или маму? – внезапно спросил Арчи.

– В смысле?

– В смысле – если тебя потерять, ты какого цвета? За Красную армию или лесной брат?

– Слушай, Жека, – сказал в ответ Овечкин со вздохом, – мы с тобой сколько знакомы? Со старой «Комиссарки», лет десять уже. Даже ездили тогда в Дагестан на пару. А теперь ты заделался гопником. Не надоело?

Арчи наклонился к самому уху Овечкина.

– Я-то – среди своих, – сказал он. – А вот у тебя завтра отберут «корочку» – и чей ты будешь, чувачок? Предатели – они ничьи.

– Я – предатель?

– А кто?

Старший научный сотрудник НИИ «Центр исследования легитимности политического процесса» (как называлась Конюшня в миру) Саша Овечкин в ответ смерил спецкора «КП» Евгения Стрельникова недоуменным взглядом.

Предатели для него были мрачными морщинистыми людьми из черно-белого кино. Какое предательство, если Саша всё делал искренне? Он в самом деле любил свою работу. Ему нравилось особое чувство – через секунду после того, как собеседник снял телефонную трубку и за секунду до того, как он, Александр Михайлович Овечкин, глава отдела СМИ, советник вице-мэра по безопасности назовет себя, может быть, добавив: «по поручению Александра

Сергеевича». Его вполне устраивало ощущение, что он – неплохой парень, похуже одних, но получше других устроившийся в жизни.

Прежний начальник – Миша – был хороший, но, наверное, что-то напутал, потому и пропал. И Слава, который занял Мишино место, – хороший. И Дима, который привел Овечкина в Конюшню.

Хороших, но глупых людей Саша учил. Он учил Витьку Корня и его банду быть умнее и не палиться по-глупому, рассказывал им о цензорских засадах. Он учил журналистов писать статьи без слов «спасибо мэру», но так, чтобы водяные знаки всё равно проступали. Он учил дурачков-оппозитов иерархии в интернете. И он экзаменовал цензоров, как не быть лохами и лучше ловить добычу.

– Ладно, – сказал Арчи, – сваливай давай, пока я хороший. И передай наверх, что нужно генеральное сражение – с жертвами. Только так народ увидит звериный оскал либерализма. Понял? А мы твоим корешам пока зубы пересчитаем.

3

ЛОСИНЫ ЕГО СВЕТОСТИ

Открывшиеся двери привели вовсе не в кабинет к вице-мэру, а в еще одну приемную: с оленьими гобеленами, гербовыми занавесками и двумя секретаршами в оранжево-черных балахонах. Ровные перламутровые зубы и ямочки на девичьих щеках определенно намекали, что это только превью.

– Это для своих, – шепнул провожатый, и Георгий не понял, имеет ли он в виду ждущие на высоком столе чайные пары или привратниц. Провожатый приобнял гостей за плечи и отплыл в сторону. В стене открылась маленькая служебная дверь, и он ускользнул в ее проrezь.

– Яков Леонидович с минуты на минуту вас примет, – звонко объявила одна из секретарш, пока вторая, будто Василиса, взмахнувшая рукавом, магическим образом наполняла чайные чашки.

– Спасибо, – кивнул Георгий, обескураженно провожая взглядом отбывшего гида.

Слава, напротив, даже не взглянул в его сторону. Он моментально завел с девушками беседу о преимуществах отечественного шоколада над любым другим. Что, и над швейцарским? Над швейцарским – в первую очередь!

Вот как у него это всегда получается, с раздражением подумал Георгий. Всегда девки с ним шур-шур, курлы-курлы. А он никакой не атлет, да и лысоват вон уже, скоро из подмышек начнет зачесывать. Каким местом он им мигает, каким хвостом помахивает? Что им вообще может быть надо от таких, как он и я, – тех, кто только подъедает за львами? И как к этому, кстати, относится его жена?

От последней мысли Георгий непроизвольно поморщился. Что мне за дело-то, одернул он себя. Полиция нравов, что ли? Или завидно? Ну, завидно, пожалуй. Не то что бы нужны были эти девки из вице-мэрского дюсолея. Но вот это восхищение, пусть и минутное, этот сеанс, который достается ему за бесплатно...

Чтобы отвлечься от очередного самцового успеха Славы, Георгий взялся рассматривать лепнину на стенах: колчаны со стрелами, скачущие колесницы и гербовые щиты. На что голова вепря должна намекать? Или это минотавр? Или вице-мэр по ЖКХ?

Прошло пятнадцать минут, и из двери кабинета – Георгию хотелось верить, что всё же вице-мэрского, а не третьей приемной, – выкатился округлый седовласый человек в костюм-тройке. Он всплеснул руками и ринулся к гостям. Лицо его при этом будто сдавало экзамен на актерское мастерство: сожаление о потраченном гостями времени сменялось восхищением этими прекрасными молодыми людьми. Следующим этюдом было уже обещание разнообразных благ, личная преданность, а затем и осознание того, что поторапливать время, быть может, и не имеет смысла.

– Георгий Иванович, Вячеслав Александрович, спасибо! – воскликнул человек и шумно фыркнул – так, что не оставалось сомнений, сколько чувств разом его одолевают. Он сжал руку Георгия маленькими мягкими ладошками, заглянул в глаза, ободряюще улыбнулся, но Георгий смотрел только на огромную родинку, сползающую с уха человека. Она напоминала вышедшую на поверхность и только начавшую остывать вулканическую лаву.

– Еще две минуточки, – уверял человек, прикладывая руки к сердцу, – у Якова Леонидовича срочный звонок...

Девушки смотрели на эволюции человека-колобка, не выключая улыбки и ямочки. В их руках мелькали белоснежные чашечки и изящные ложечки, блюда с тончайшими дольками лимона и конфетницы, полные вафельных трюфелей. Самое смешное, что Слава всё время оказывался встроен в этот видеоряд.

Наконец, ожидание, казавшееся бесконечным, завершилось. Владелец ушного вулкана посторонился, и высокие двери, которые Георгию хотелось назвать дворцовыми, распахнулись. За ними оказался предбанник, на сей раз небольшой и темный. Он вел к еще одной паре дверей и, как решил Георгий, должен был играть роль чистилища для тех, кто имел наглость претендовать на вице-мэрский рай.

Георгий и Слава шагнули в него и мгновенно были отрезаны от старого мира – сзади двери закрылись, а спереди дали только узкую полоску света. Створки оказались неподъемно тяжелыми: только навалившись на них плечом, можно было отвоевать себе проход.

Кабинет был огромен. В дальней его части, к которой вели свои ступеньки, не горел свет, и поэтому в ней можно было различить только стол и огромные книжные шкафы. Георгий решил, что до них метров двадцать пять.

По правую сторону из пола вырастал овальный гриб стола для совещаний, за которым запросто могли бы уместиться человек сорок, но вместо этого сидел всего один. По левую – располагалась алая диванная зона, спинки которой надежно скрывали альков от постороннего взгляда. Барельефов, гобеленов и лепнины в кабинете было столько, что он мог бы заменять собой средней руки художественный музей. Портрет градоначальника в дореволюционном облачении только усиливал это впечатление.

Вице-мэр – бодрый молодящийся дядька около 50 с хитрыми глазами – сидел вполоборота на стуле с гнутыми ножками. Большим и указательным пальцами он держал зажженную сигарету и пускал изо рта колечки дыма.

– Ну, здравствуйте, – сказал он, иронично поглядывая на новоприбывших. – Садитесь.

Георгий со Славой упали слишком далеко от хозяина кабинета, но, переглянувшись, не стали пересаживаться. Вице-мэр же, больше не обращая на них внимания, продолжал с наслаждением курить.

Интересно, подумал Георгий, выходит ли он по утрам на балкон с сигаретой в одних трусах?

Чем больше он разглядывал кабинет, тем больше поражался. Георгию приходилось бывать и в президентской администрации, и в Кремле, и даже на приеме банка ВТБ, но тут всё было слишком. Огромная хрустальная люстра, будто бы украденная из колонного зала Дома союзов. Лепная Венера, выглядывающая из стены. Обтягивающие лосины на портрете его светлости мэра.

– Времени совсем нет, поэтому сразу о деле, – внезапно сообщил вице-мэр громовым голосом, и стало ясно, что дистанция до него выбрана верно. – В курсе нашей проблемы? Хорошо. Не люблю разжевывать, особенно, если жуешь говно.

Он причмокнул.

– Короче. Наша, а теперь и ваша, задача – проводить Виктора Николаевича на заслуженный отдых. В Думу. Договоренность есть. Вице-спикером будет – поди плохо, да?

Георгий и Слава согласно закивали.

– Вас рекомендовал Олдин. Надеюсь, не за красивые глаза, да? Тем более, какие глаза между мужиками? Или сейчас уже один раз – не этот самый?

Яков Леонидович довольно ухмыльнулся своей шутке.

– Кругом пидарасы, да? – доверительно сообщил он.

Георгий приготовился в ответ пошутить про боевых пидорасов Македонского. Он даже уже открыл было рот, но вице-мэр его сразу оборвал.

– Некогда-некогда, – сказал он, взглянув на часы, – дальше с Олдиным. Но сначала, – он отправил по столу листок, на котором оказался от руки записанный телефон, – это родственники, их надо уважить. Смотрите, не обгадьте с ними отношения. Будут виляния – ну, в сторону от согласованной линии, – сигнальте по эстафете. Решили?

Георгий, немного опешивший от скорости монолога, тем не менее, кивнул. Слава поступил схожим образом.

Яков Леонидович, наконец, затушил сигарету – и с сожалением посмотрел в пепельницу. Он резко поднялся со своего стула и сделал несколько шагов к гостям. Те тоже поспешно вскочили.

На прощанье вице-мэр больно сжал руку Георгию, недобро глядя ему в глаза.

– Главное, хуй не затупить, – неопределенно напутствовал вице-мэр эмиссаров.

Георгий и Слава на всякий случай постарались выдавить из себя улыбки. Вышли, скорее, сконфуженные.

В этот момент Георгий вспомнил, что перед самой встречей шеф выдал ему в качестве опознавательного знака какие-то инопланетно дорогие часы, настояв: там оценят, с кем имеют дело. Медленно выпрастывая руку из вице-мэрской клешни, Георгий тряхнул часами, отчего те даже благородно звякнули.

Но Яков Леонидович ничего не заметил. Он уже шел в обратном направлении.

«веселый роджер»

По поводу Махинской кампании Георгий и Слава встретились в «Образе жизни» на Пречистенке. Слава зачем-то притащил еще и зануду Овечкина – вечно всеми недовольного человека в желтых штанах, а теперь еще и в шляпе, которую он то и дело неловко поправляет.

Заказали местного крафтового и бараньих крокетов. Слава долго рассказывал совершенно левую историю про выборы в Новосибирске: кто-то сидел в подвале, кому-то разбили ноутбук. Академия наук какая-то. Но все слушали.

Между пивом и мясом взяли за биографию будущего вице-спикера.

Виктор Николаевич Махин – 77 лет, мордатый дед с разлетающимися грозными бровями, похожий на всех членов советского политбюро сразу.

– Он бы в ГКЧП хорошо смотрелся, – заметил Слава.

Проверили – нет, всё же не состоял. Даже жаль – теперь могло и покатить. Папа-мама, горный институт, райком комсомола, кандидатская «Строительство специальных объектов глубокого залегания», стройтрест, стройкомбинат, еще стройкомбинат, ООО «Стройкомбинат», граднадзор, мэрия.

– По-моему, идеально, – восхитился Георгий.

Все закивали.

– Кстати, старики, знаете, как его зовут в мэрии? – поинтересовался Слава. – «Наш титан».

– О! – поднял палец Георгий. – Отличный образ!

– Точно-точно!

– Сашка, покажи нам проблемные места нашего патрона, – попросил Слава, – а то мы все такие довольные уже.

Овечкин положил на стол здоровый и черный-черный, как из черного-черного города, телефон и стал из него зачитывать подобающим дрожащим голосом. Георгию всё время хотелось съездить этому клоуну по затылку, чтобы не выделывался.

Биография начинала переливаться новыми цветами. Теперь было так: мама, папа – черк, отчим-из-казахского-облисполкома, горный – по спецквоте, райком и кандидатская.

Дальше была мутная история с ОБХС в стройтресте. Уголовка, посадили главбуха, а еще зама по качеству...

– Но он же там не засветился? – с надеждой спросил Георгий.

– Как свидетель, – сказал Овечкин.

– Ну вот!

Переглянулись, Слава застучал по клавиатуре «мака», делая пометки на будущее, но вслух никто ничего не сказал.

Между стройнадзором и мэрией обнаружился Витя-Бабай, который тогда держал Бирюлево. Какие-то гаражи для милиции, капитальный ремонт рынка, пожары овощебаз...

– Опять глубокое залегание, – с ухмылкой сказал Овечкин.

На него посмотрели косо.

Бабай, понятное дело, в следком не пойдет, да и в новостях всплывет едва ли. Это не опасность – так, зарубка на коре, чтобы в уме держать. Опасно только то, что может разозлить АП. Что на сделке может сказаться.

Список такого после полутора часов совместных «раскопок» получился следующим. Дочь в Англии, вышедшая замуж за инвестбанкира. Задекларированный (господи, зачем?) дом в Швейцарии: 546 метров, гараж на четыре автомобиля, конюшня и три хозяйственные постройки. И, наконец, Юго-западная рокада. Тут, как ни крути, отовсюду торчат уши застройщиков, мостотрестов и ДСК. Уже идет реконструкция под магистраль, беснуются инициативные группы, требующие всё прекратить, а по сети разбросаны десятки видео с Махинскими интервью, где тот призывает «потерпеть ради общего блага».

– Блин, – простонал Слава, – ну вот это вот «благо»-то зачем?! Кто их за язык всё время тянет!

– В другом еще смешнее, – подключился Овечкин. – «Когда мы делаем ремонт, соседям зачастую тоже приходится терпеть неудобства, но все понимают, что без ремонта невозможна новая полноценная жизнь».

– Представляю себе его соседей, – ухмыльнулся Георгий.

– А я теперь понимаю, зачем они каждый год у меня под окнами асфальт снимают. Ради новой жизни!

– Ладно, – сказал Слава, – рокаду отложили. Думаем, как снести дочь и дом. Гоша, есть идеи?

– Опубликованную декларацию все, кому надо, разобрали, убирать нет смысла. Через сеть районик дадим новость – скажем, тремя месяцами назад, что швейцарская недвижимость, купленная в складчину с... например, бывшими партнерами Махина по стройкомплексу, передана в дар... фонду онкобольных какому-нибудь. Есть у нас фонд, который не будет разоряться?

– Есть.

– Ну вот. Районки выложат на сайты такую ботву, 250–300 источников, поисковики проиндексируют – нормально. После этого в любой момент предъявим, что нет никакого дома. В Википедию надо еще про регулярные пожертвования Махина в этот фонд засунуть. А на фондовый сайт каких-нибудь его фоток.

– Окей, – согласился Слава. – По дочери так мыслю, старики: инвестбанкира должны год назад на родине заподозрить в работе на российские спецслужбы. А сейчас всплывет какая-нибудь грамота или медаль от нашего правительства за оказанные услуги в деле укрепления там... Дадим через помойки: «КП» или «Московского комиссара». Нормально зайдет.

– Инвестбанкир никому не зайдет, – взялся спорить Овечкин, – это полный зашквар! И с грамотой гнилая тема.

– У тебя всё зашквар, – с неудовольствием сказал Георгий, глядя, как Овечкин – нога на ногу – покачивается на стуле.

– Саша не вкуривает, – вздохнул Слава. – Саша, ау! Ты на кого работаешь?

– Я на себя работаю.

– Это тебе так кажется. Вот знаешь, старик, когда я учился на истфаке, один наш древний препод всё помогался: кто заказчик журналистского текста?! Мы в толк взять не могли, какой осьминог его укусил. Разное отвечали: общество, там, народ... потом один из нас умным оказался.

– Ты, конечно?

– Да ну... Ты, Саша, регулярно пытаешься мне присунуть, но даже на цыпочках не дотягиваешься, – ласково сообщил Слава. – А заказчиком журналистского текста является редактор. Вот такое откровение... Теперь вернемся обратно к нам. Ты работаешь на Конюшню. Конюшня – на мэрию, а мэрия – на святую Старую площадь. Вот и выходит, что ты – внучатый племянник тех узбеков, что чистят подъезд к АП. А раз так, осознай, что для выебонов нет ни единого повода, и сиди на попной дырочке ровно. Осознаешь?..

Ни у кого не было лишней сигареты, в сумке их тоже не оказалось, Георгий дважды проверил.

Ситуация, конечно, глупая: то ли стоять как дураку и спрашивать у любого подходящего к курилке, то ли плюнуть – и обратно на четвертый. Но там еще минут двадцать до заседания, а потом сидеть три часа – не меньше. Тронешься.

Георгий без особой надежды доплелся до сувенирного киоска в фойе. Тарелочки, где святой тезка накалывает дракона, пряничные Кремли, гжелевые штофы в виде гранат.

– Нету, – сказала похожая на цаплю продавщица. – Молодой еще, бросали бы это дело.

– Надо, – кисло согласился Георгий и вернулся к курилке.

За время его отсутствия в ней растворились все старые посетители и образовались двое новых. По повадкам – местные, правительственные, у таких должно быть.

– Слушайте, – сказал Георгий, – не спасете сигаретой, а? Страх как не хочется выходить из здания, чтобы потом опять через пропускное бюро.

Зачем эти подробности, сам себе удивился он.

Один из курящих смерил Георгия оценивающим взглядом и, не найдя ничего интересного, протянул ему пачку «Кента».

– Так вот я и говорю, это совершенно очевидная штука. Это как раз-два!

– Ну не зна-а-аю, – нахмурившись, тянул второй, – может, правда какие-нибудь... – он пощелкал пальцами в поисках подходящего слова, не вспомнил и досадливо махнул рукой.

– Какие, Коля? – саркастически поинтересовался его собеседник. – Пионеры-герои? Комсомольцы-активисты? Дорогой мой, ты когда последний раз видел в своих пионерское рвение?

– Ну... – развел руками Коля. – Думаешь, это действительно может так работать, и никто не пикнет?

– Ну а кто пикнет-то? Всем говорят: картинки по стенам рисуют психи какие-то, Павленский с прибитой мошонкой! А под шумок чикают кого надо – одного за другим.

Господи, подумал Георгий, и здесь станки.

– Думаешь, генерала Госгвардии нет способа проще снять?

– Коля, только не делай вид, что ты глупее, чем есть.

– Да не делаю я никакого вида, – отмахивался Коля. – Черт их знает, конечно.

– Не черт их знает, а железно! – его собеседник понизил голос. – Я на прошлой неделе разговаривал с Анатолием Ивановичем.

– И что?

– И то.

– Блять, – уронил Коля, на которого поручительство неизвестного Анатолия Ивановича подействовало оглушающе. Он затушил сигарету и, отшвырнув ее в сторону, пристально уставился на своего собеседника. – И что, Гореславский тоже в курсе?

– Сложи два и два.

Георгий, который не раз давал себе обещание не вмешиваться в подобные разговоры, снова ему изменил.

– Простите, – сказал он, – а что там с Госгвардией?

Оба местных курильщика перевели на него взгляды.

– А вы, собственно, откуда? – спросил лучше информированный.

Георгий достал из кармашка портфеля визитки и протянул. На фактурной, чуть зеленоватой бумаге значилось: «Смирнов Георгий Иванович. Шеф-редактор объединенной редакции новых медиа. Аналитический центр Правительства Москвы».

– А, – сказал Колин собеседник, – знаю вашего шефа. Привет ему.

Георгий кивнул, приложив руку к груди.

– И вы не знаете еще, что случилось?

– Только утренним из Самары и сразу сюда. Вон, даже побриться не успел. – Георгий для убедительности пошлепал себя по щеке.

– Ну хорошо, про госгвардейца не знаете. А что у вас по поводу остального думают? – включился Коля.

– Остального? Вы про Хиропрактика? Ну, что у нас думают... по-всякому думают.

– Чушь собачья. Отвечайте так своим дурачкам-подопечным. Олдин-то уж точно в курсе.

Курильщики направились к выходу.

– Да что случилось-то с госгвардейцем? – крикнул им вслед Георгий.

– Несчастный случай с оружием.

Точно, подумал Георгий, «Веселый Роджер» сработал. Вот ведь сука. А я тогда Диме не поверил.

– Загибай пальцы, – долетали слова Колиного собеседника, – после «Елки» свалился премьер – раз. Потом «Покемоны» и личный охранник – два...

Главной задачей Георгия было всучить Владу Аверину быстро состряпанную презентацию по мотивам вчерашних посиделок. Он надеялся поймать начальника теруправления сразу после «вторничного рёва» – совещания с главредами.

Влад – улыбчивый, вечно уколотый адреналином мальчик – сумел за пару лет вскарабкаться по спинам своих коллег и начальников в кабинет напротив апартаментов транспортного вице-мэра. Он получил авто (в мэрии говорили – «борт») с номером 005, что было неприкрытым вызовом для старожилов – «нулевые» знаки полагались только заместителям градоначальника и только в соответствии с рангом. Второй номер – первому вице, третий – главному по силовикам, четвертый и последующие – остальным замам, но никак не мальчишке 32-х лет.

Влад добыл и еще одну вице-мэрскую привилегию – право орать на прессу, кормящуюся при отцах города. До него «рев» всегда вели безопасники.

Георгия приписали к редакторской труппе полгода назад, и с тех пор ему почти не приходилось пропускать пенетрацию элитных стариканов. Поначалу он поражался, как безропотно заслуженные журналисты воспринимали истерики начальника теруправления. Они только почтительно кивали, иногда прикрывая глаза. И даже когда им в лицо бросали что-нибудь вроде: «еще раз такое говно нарежешь, вся редакция жопой в сугробе сидеть будет!», – адресат только чуть печально склонял голову, как бы соглашаясь: «садите, чего уж там». Многие в таких случаях обещали исправиться. Некоторые повторяли клятвы еженедельно.

Георгий не любил этот дом инвалидов. Хотя ощущение со временем и поистерлось, он всё равно чувствовал некоторую неловкость за пенсов, снова собирающихся на обмазывание говном.

Аверин ни словом не упомянул о ЧП в Гостгвардии. Вопросов тоже не было. Вместо этого Влад проповедовал про «распаковавшихся крыс», Георгий не уловил, что это за метафора. Он вообще большую часть совещания просидел в мессенджере, переписываясь с Мартышкой. Дочь хотела знать, когда они пойдут смотреть обещанную змею, и у нее оказался бесконечный запас змеиных стикеров – Георгий никак не мог поверить, что существует столько нарисованных гадов.

Когда редакторов всё же отпустили на перемену, Георгий ловко выхватил Аверина из рук ответсека «Московской перспективы» и утащил в малую переговорку – показать презентацию.

– Что это за херня? – поморщился начальник теруправления, пролистывая первые слайды на айпаде. – Какой, блять, инвестбанкир? Вы там накрошили себе в голову, что ли?

Он отпихнул от себя планшет.

– Слушайте, Влад, – начал было Георгий.

– Да иди ты, «слушайте»! – отмахнулся от него Аверин. – Ты вообще не вкупаешься, смотрю? Кто будет потом эти бредни про ордена комментировать? Ты, что ли?

– Мы специально разработали предложения, чтобы предотвратить вопросы о...

– Да хватит мне в уши дуть! «Предложения», блять! – взвился начальник теруправления. – Слушай сюда, короче. Вот дали вам Юго-западную рокаду, тащите везде рокаду. Во всех поисковиках пусть будет, какая заебательская у нас рокада! Каждый день – 347 публикаций. И Махин с ленточкой. Вот как надо, понял?!

Георгий молчал.

– Что, голос потерял? – поинтересовался Аверин, впервые сняв с лица улыбку. – Скажи спасибо, что за тобой Олдин стоит, а то бы даже тратиться не стал. С моим пионерским приветом пиздуй к нему и передай – только рокада!

ТОП-3 АНОНИМНЫЙ TELEGRAM-КАНАЛ ДОКТОР ЧЕТВЕРГ.
ИНДИВИДУАЛЬНАЯ БЛОКИРОВКА
ПО РЕШЕНИЮ РОСКОНАДЗОРА
4423542 SUBSCRIBERS

Привет, котятки.

Скучали по мне? Ну не отпирайтесь, скучали-скучали.

У Четверга для вас новая порция вкуснейшего комбикорма из кремлевского корытца.

С тех пор, как некто Него Практик взялся одного за другим валить наших горячо любимых ветеранов подковой борьбы, на повестке дня только два вопроса: кому следующему заведут фитиль под хвост и как там в этой связи настроения в тигриных вольерах нашего обожаемого Верховного?

Не пугаемся, котятки. Доктор шутит.

Пока другие каналы и даже – о боги – так называемые «традиционные СМИ» устроили угадайку на тему, кто кого борет: кит слона или слон кита, доктор скажет вам как доктор.

Нам с вами, котятки, однохерственно, какой олигарх или товарищ генерал (как вы знаете, котики, последние годы это у нас одно и то же, Forbes даже подумывает объединить рейтинги самых пиздатых и самых невьебенных) отправится лежать вперед ногами в прохладной тишине покойницкой. Нам важно понимать, ведет ли это к реальной перетряске местного болотца.

И доктор вам говорит: ограниченное кровопускание очень полезно для оздоровления всего организма. Особенно, если вымываются разные холестериновые бляшки, то есть наши товарищи, по которым мы все так сегодня скорбим.

А теперь, котятки, простите, переходим к этим самым бляшкам. Доктору тоже не очень нравится копаться в мертвечине, но что делать, кто-то же должен ставить диагноз.

Итак, крайний из отплывших на другую сторону Стикса у нас генерал Медунов. Создатель Госгвардии, владелец крупнейшего гольф-клуба «Игры патриотов», трехпалубной яхты «Слава России» и там еще по мелочи у него: четыре коттеджа, земли в Геленджике, резиденция «Златогорье» около Феодосии. Общая стоимость – 1,5 млрд рублей. Откуда такие деньги? Что за вопросы, котятки?! Конечно, генерал служил-служил и заслужил!

Медунов у нас был не конь в пальто. Знаете, кого он охранял? Вот так.

У человека и нынешние чеченские были не обижены, и прокурорские – свои люди. Дочь Медунова от первого брака – замужем за младшим прокурорским сынком. А сын жены от второго брака заседает в совете директоров «Рустеха». Видите, котятки, – и нашим, и вашим. В смысле, не вашим, конечно, – своим.

Поцыэнты доктора из Апэшечки в печали. Кто же теперь будет следить, котики, чтобы вы не оторвали поцыэнтам что-нибудь важное? А вдруг вы соберетесь на площади больше четырех? А вдруг без генерала вас не решатся давить бронемашинами «Тигр»?

На сайте нашей обожаемой «Раши растудэй» все вповалку плачут по нашему прекрасному гольф-яхтсмену в погонах. Не поверите, котятки, доктор сам плакал как девочка, потерявшая щеночка, когда это читал. Погиб поэт – невольник чести. Кстати, говорят, «Златогорье» строили как раз чеченские невольники, которых генералу подгонял по дружбе один бородатый блогер. Наговаривают, короче, на нашего золотого человека. А он ведь в самом деле золотой – это именно его люди открыли руки-ноги прежним владельцам золотиносной компании «Меридиан» два года назад.

И там еще про отзывчивость и чуткость. Доктор сразу вспомнил, как Медунов отозвался на всхлип Кремля по поводу демонстрации на Невском. Генерал лично командовал войсками прошлой зимой, когда неосознанная молодежь требовала отпустить политзаключенных, а ее уработали стремительной щитовой атакой. Кровь два дня оттирали.

Простите, котятки, доктор старенький, его заносит в сентиментальность. Сейчас он смахнет слезки платочком и снова к вам.

В общем, мы тут с коллегами вместе порыдали над хладным телом генерал-спасителя, а потом сели в трудовую вахту. И вот что наш консилиум имеет вам сказать. После того как генерал разложился на плесень и липовый мед, его суперспецслужба начала ходить ходуном. И не только из-за тех, кто карабкается по трупу, пытаюсь первым прильнуть к высокопоставленной титьке.

Вы не поверите, но среди КГБ 2.0 есть и те, кто не хочет оказаться нарисованным, а оттого пытается побыстрее спрыгнуть – на собственную виллу, на пенсию, но лучше хоть в какой-нибудь захудалый совет директоров какого-нибудь госконцерна.

Волки, то есть что это доктор говорит, товарищи из других спецслужб уже готовятся растащить Госгвардию по своим закоулочкам. А в процессе ждем подвоза доктору новых поцыентов.

И напоследок, котятки. Готовится запрет на продажу аэрозольных баллончиков с краской. Поставщики комбикорма врать не станут. Так что если кому надо, спешите, так сказать, видеть.

И, главное, дорогой наш практикующий Него, ты уж тоже запасись, пожалуйста. Нашей маленькой районной больнице будет ох как скучно без твоих портретов и натюрмортов.

Искренне твой (и, конечно, ваш, котятки), добрый доктор Четверг.

4

мой бог

Очень хорошо помню этот день. Первый курс, первые дни занятий, преподавателей еще не комплект: кто-то пока не вернулся из лета, кого-то снарядили на картошку. Пустые пары, у нас в Красноярске говорят – ленты. Тепло, солнце греет подоконник аудитории Б-23, на нем приятно сидеть и смотреть, как по улице Маерчака (местный мертвый революционер) неспешно переваливается троллейбус пятого маршрута. Из всей группы нас семеро: я, ты, Ленка, Леша и трое девчонок, имена которых ничего не значат для этой истории, в титрах бы написали: girl 1, girl 2, girl 3.

Что, уже по домам? Да ну его. Может, в кафе пойдем посидим? Но погода. Да, погода сегодня. А на следующей неделе дожди. И минус два. Слушайте, может, тогда до Дивногорска? Там по пути деревня Астафьева – дома прикольные, наличники. А виды! И закат потом на смотровой площадке. Денег только хватило бы.

– Норм, – сказала ты. – Я угощаю.

Ленка мне рассказывала, что Настя – дочь посла. Ну не прямо посла-посла, секретаря посольства финского вроде бы. Только вернулась после нескольких лет «там». Вся из себя непростая.

Я запомнил ее еще со вступительных. Она стояла около двери канцелярии, где с нас по списку собирали документы, – с таким видом, который может быть только у пришельца из космоса или путешественника во времени. Она впервые смотрела на этих странных снующих взад-вперед существ и испытывала к ним одновременно жалость и брезгливость, которую старалась подавить.

Смуглая, круглолицая и темноволосая, в черном лоскутном платье. На запястье – змея. И вроде бы на левом безымянном – кольцо-волчья башка. Хотя, может, оно появилось позже.

Сейчас я вынимаю из памяти разные мелочи, а тогда это всё оставалось за кадром. Я думал о том, как она похожа на черную норну: властная и безжалостная. Я как-то сразу сообразил, что безжалостная. Черноглазая. Она уже тогда умела со значением, проницательно смотреть сквозь тебя. Сквозь меня.

– Привет, – сказала она. – А это всё твои публикации?

Я только что сдал в деканат папку с текстами, которые успел настрелять, работая в местной газете: рецензии, интервью и даже пару репортажей из сектантских общин, – за всё это мне полагался дополнительный балл.

– Мои, – радостно подтвердил я, – ну, некоторые.

Настя протянула руку, и от неожиданности я какое-то время тупо на нее смотрел. Затем неловко пожал.

– Дмитрий Сергеевич, – очень серьезно объявила Настя, – я – Анастасия Олеговна. Буду твоей фанаткой.

И пока я пытался сообразить, что бы – желательно смешное и остроумное – ответить, Настя расхохоталась.

До Овсянки – деревни, где жил бог деревенской литературы Виктор Астафьев, – ехали в каком-то жутком распадающемся автобусе. Народу была тьма, и если кого-то из девчонок удалось посадить, то Настя осталась стоять. Она во всем была главная, капитан. Когда через

неделю придет время выбрать старосту группы, ни у кого даже мысли не возникнет, что есть другие кандидатуры, помимо дочери посла. А пока Настя комментирует повадки попутчиков – мужика с булькающими газетными свертками, теток, огораживающих себя выставленными вперед локтями, чувака, рассказывающего, что кока-кола и пепси – это перекрашенный тархун. Мы ржем так громко, что весь автобус смотрит на нас, как смотрят на полицаев положительные персонажи советских фильмов. От этого мы покатываемся еще больше.

Когда доехали до Овсянки и выгрузились в сухую грязь, Настя пнула застывший грязевой сталагмит и с интересом наблюдала, как разлетаются осколки. В первые дни среди смертных ей всё было интересно.

– Слушай, – сказала она, чуть отстав от остальных и, поймав меня под руку, – а ты правда ездил к виссарионовцам?

Я кивнул. Экспедиция в Город Солнца была предметом моей особой гордости. Про нее можно было подробно, привирая на каждом шагу, рассказывать и час, и два. Бывший мент – новое воплощение Христа. Барабанщик «Ласкового мая» – автор священных текстов. Веганство. «Не избегай соблазнов».

«Они сильно ушибленные?» – обычно интересовались у меня. И я говорил, что да, не без этого. Но самое занятное – это то, что куда бы они ни приехали, им организован прием в местном ДК, и красноярские концертные залы – всегда пожалуйста. Что их временами даже сопровождают с мигалками, а православная церковь – молчком.

– А что они рисуют? – спросила Настя.

– Рисуют?

– Ну дети, может, или у них выставки какие-нибудь, или в молельне.

Я стал лихорадочно вспоминать: колокола, резные ставни, столбы в виде длиннокрылых женоголовых ангелов...

– Я только про гибель богов помню в стенгазете.

– О, а какие у них боги?

– Ну, там не их... там разные боги – индуистские, кажется... м-м-м... звероподобные. Языческие, может.

– И что, их побивает Виссарион?

– Нет, их засасывает в черную воронку, которая спускается с неба. Туда, видимо, весь мир засасывает, только Город Солнца в конце спасется. Он стоит и сияет на холме, а всё остальное идет богам под хвост.

– Интере-е-есно, – мечтательно протянула Настя. – Надо будет как-нибудь посмотреть.

Потом мы сидели над плотиной и ждали закат, а он никак не начинался.

Девчонки болтали о группе «Мумий Троль», которая тогда всем казалась отвратительной. Через два года мы будем хором петь на концерте «Дельфинов».

– Знаешь, – сказала Настя, сев рядом на большой нагретый камень, – а ты задумывался, что будет, если это всё разлетится к чертям?

– Как на плакате у виссарионовцев?

– Нет, если вот эту ГЭС, на которую тут принято любоваться, разнесет и растащит по закоулочкам.

– Тут-то как раз понятно. Всё до Девятки потонет, и будет радуга.

– Почему до Девятки?

– А я там живу. И, знаешь, это такое место, с которым ничего не может случиться.

– Там же атомный реактор.

– Видишь, атомный реактор там, а мы здесь обсуждаем, как разлетится ГЭС.

– Ха, – сказала Настя, глядя на меня, прищурившись, – убедил. Надо будет доехать и до этой вашей Девятки. Не была никогда.

– Так приезжай.

Настя хитро посмотрела в мою сторону.

– По-моему, ты перескакиваешь через этапы.

Потом она ушла и разговаривала с Лехой. Смеялась и обнимала его за плечи. А он обнимал ее. Им было весело, очень весело. Такой чудесный веселый вечер.

У меня внутри всё заныло. Захотелось заползти куда-нибудь и сдохнуть. Но вместо этого я поплелся на остановку и решил ждать всех там. А потом ушел бродить по лесу. А потом вернулся и снова ждал. Настя пришла как ни в чем не бывало. Как будто ничего не произошло.

Я сидел, смотрел, как она стоит черной статуей – вся в крошках лунного света, и думал, что это конец. И что надо бы, наверное, бросить всё и пойти напоследок выпить водки с Силаевым.

– Дмитрий Сергеевич, – сказала Настя на прощанье, выходя из автобуса уже в Красноярске, – ты не очень там умирай. – И подмигнула.

Может, это что-то значит, подумал я, спрыгнув на стадионе «Локомотив». Может, мне нужно что-то сделать? Может, поехать за ней?

Адреса у меня не было, а все наши уже исчезли. И вместо того, чтобы бежать неизвестно куда, я повернул на Мира и принялся ходить по ней – туда и обратно, пока не почувствовал, что ноги больше не могут меня держать.

Было что-то около двух ночи.

черные футболки

Мы разругались из-за ерунды. Она пошла на кафедру, а я – дома с температурой. Или наоборот. Я сказал, мол, Кострецов – старый мудака. А может, она – про мою Павловну.

Слово за слово. Она всегда умела лучше меня. Срезала как щенка. Ну, и я что-то в ее сторону – злобно-беспомощное.

Хлоп-хлоп.

Я сначала храбрился, говорил Силаеву, мол, сколько можно, правда? И что, честное слово – как и не было. Сам себе верил, наверное. Недообследованные обычно верят.

А потом открываю глаза – а внутри всё обсыпалось. И хоть влево, хоть вправо, лежит забытым хирургическим инструментом, не дает идти. Или сидеть. Или что угодно еще.

Вечера. Никто не знает, что такое вечера. Это когда на маршрутке – двойной кружной петлей, лбом – в стекло, силясь целиком ухнуть в тошноту укачивающих прыжков по ухабам. Но рано или поздно всё равно тебя выкидывает где-нибудь в ползучей доступности от дома. И ты смотришь на обжигающие окна чудовищных многоэтажек, и чувствуешь, что тебе снова четыре. Упал с санок, а отец, не замечая, уходит вперед, и снег громко хрустит под его ботинками. Ты набираешь воздуха, чтобы крикнуть, заплакать, дать о себе знать, но щёки замерзли, а шарф и шуба спеленали намертво. И вместо того, чтобы кричать, ты с открытым ртом смотришь в звёзды – лунные зёрна, так и не сумевшие прорасти, стать живым месяцем. Тебе так их жалко. Так жалко... И ты уговариваешь себя, что нужно слепить веки. Но тут сначала нужен коаксил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.